

**ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
ЧУЖИХ ПИСЕМ
НЕ ЧИТАЮТ**

●
Лучшие
современные
детективы
и шпионские
романы



●
ОЛЕГ ГОРЯЙНОВ

Олег Анатольевич Горяйнов

Джентльмены чужих писем не читают

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182240

Олег Горяйнов. Джентльмены чужих писем не читают: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23296-3

Аннотация

Джентльмены чужих писем не читают? Еще и как читают, если эти джентльмены работают в разведке. А также забираются в чужие постели, прикармливают чужих террористов, заманивают носителей чужих секретов в «медовые ловушки». Идет Игра, в которой нет места морали и состраданию. Интересы Родины – превыше всего, а интересы корпорации под названием ГРУ – Главное разведуправление – еще выше. И жизнь в этом мире, превращенном в поле битвы между противоборствующими спецслужбами, была бы совсем невыносима, если бы не вмешательство неискоренимого «человеческого фактора». Поскреби любого – отыщешь человеческое существо и в шпионе, и в террористе, и в советнике по национальной безопасности президента одной из латиноамериканских стран, который вдруг оказывается в эпицентре борьбы сразу четырех спецслужб и банды местных террористов, среди которых и его единственная дочь.

Содержание

Глава 1. Русские разборки на улице Панчо Вильи	4
Глава 2. День Физкультурника	8
Глава 3. Стервятники соратники	13
Глава 4. Очевидец	20
Глава 5. Батя	26
Глава 6. Курица не птица	35
Глава 7. Я вас научу родину любить!	41
Глава 8. Чтобы служба мёдом не казалась	47
Глава 9. Конец Октября	51
Глава 10. Отдыхай, Эдик	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Горяйнов

Джентльмены чужих писем не читают

Автор выражает признательность кинорежиссёру и киносценаристу Сергею Белошникову за моральную поддержку при разработке основных сюжетных линий данного произведения

Глава 1. Русские разборки на улице Панчо Вильи

Святая Мария! Матерь Божья!

Куда катится мир?!

За пять минут до того, как на улице начали стрелять и убили человека, линейный сержант первой категории Пабло Каррера вошёл в переполненный воскресным народом устричный бар Хосе Элья Гуальберто Аранго.

По случаю воскресенья нагрудный карман сержанта изрядно оттопыривался. Дон Пабло отправлял первейшую полицейскую обязанность: обходил дозором свой участок. Ему оставалось почтить свои присутствием два заведения, и – домой, где ждёт воскресный обед.

Тариф за счастье лицезреть его одутловатую мокрую от пота физиономию, чёрные его усы, с которых по случаю жаркого дня обильно капало и стекало, выпуклое брюхо, подпираемое кобурой с шестизарядным несчастьем “Мендоса” тридцать восьмого калибра, тариф этот был установлен прочно и надолго. Пабло никогда не приходило в голову требовать что-нибудь сверх того, что, воротя в сторону потные морды, совали ему в нагрудный карман налогоплательщики.

Главное во взаимоотношениях пастыря и паствы что?

Незыблемость ставки налогообложения.

У Хосе по случаю воскресенья было полно народу. Сам хозяин стоял за стойкой и, завидев на пороге знакомый силуэт, привычным жестом потянулся за бутылкой писко¹.

– Жарковато сегодня, а, дон Пабло?..

Дон Пабло проворчал что-то невразумительное по поводу озоновых дыр, проклятых янки с их ракетами и старых пердунов из правительства, всему этому попустительствующим.

– Скоро янки будут ездить здесь в маленьких тележках, как в Индии, – ядовито сказал Пабло, стараясь не смотреть на сворачиваемую в трубочку купюру. – А мы, в эти тележки впрягшись, будем их возить куда они прикажут.

Хосе с поразительной незаметностью сунул ему в нагрудный карман свёрнутую трубочку, сам же при этом, отвернувшись, внимательно рассматривал полки с банками и бутылками.

И тут на улице начали стрелять и кричать.

Пабло отошёл от стойки в сторону, расстегнул кобуру и достал “мендосу”. Достав, посмотрел, есть ли в барабане патроны.

Патроны были.

С улицы послышался женский визг. Двери хлопнули, и в бар с шумом вбежал взлохмаченный молодой блондин в белой рубашке. Глаза у него были сумасшедшие, руки тряслись.

Бар замер. Тридцать пар глаз не отрываясь следили за молодым человеком. Тридцать пар глаз внимательно проводили его до стойки, к которой тот подошёл не спеша, нарочито расслабленной походкой, делая вид, что не замечает на себе всеобщего внимания. Он подо-

¹ Разновидность виноградной водки.

шёл и охрипшим от напряжения голосом попросил сначала пива, потом, внезапно передумав, – кока-колы. После этого тридцать пар глаз оставили блондина в покое и уставились на дону Пабло.

Молодой человек поперхнулся ледяным напитком, когда в рёбра его упёрлось дуло револьвера и тихий внятный голос откуда-то из-под плеча произнёс:

– Руки на стойку, ноги расставить. Расслабься, парень.

Парень расслабился и выполнил, что ему велели.

Пабло хлопал его по бокам, вытащил единственное, что нашёл в карманах – бумажник, бросил его на стойку и надел на молодого человека наручники.

Устричный бар взорвался аплодисментами.

Пабло шутливо поклонился и обратился к Хосе:

– Старина, сходи туда, посмотри, сделай милость, что там, трах-тарарах, стряслось.

Хосе кивнул и вышел на улицу. Несколько человек поднялись из-за столиков, исполненные любопытства, но Пабло грозно сказал:

– Всем оставаться на своих местах!

Любопытные сели. После задержания преступника авторитет дон Пабло, и без того значительный, прямо-таки материализовался в духоте заведения.

Задержанный молодой человек пытался что-то прохрипеть, но голосовые связки ему отказали, и Пабло не обратил на его сипение ровным счётом никакого внимания.

Вернулся Хосе.

– Не хотелось бы вас расстраивать по случаю воскресного дня, дон Пабло, – сказал он, тяжело дыша. – Но, похоже, там застрелили мужчину из пистолета.

– Насмерть? – уточнил Пабло, пожевав губами.

– Как есть, – Хосе вытянулся в струнку.

– Так, – сказал Пабло и засопел. – Где у тебя кладовка?

Задержанный снова попытался что-то сказать, но Пабло больно ткнул его под рёбра стволом револьвера, и он замолчал.

– Впрочем, кладовка подождёт, – сказал Пабло и достал из кармана рацию. – Говорит сержант Каррера, третий участок, – сказал он, нажав пальцем на кнопку. – У нас тут убийство. Угол Панчо Вильи² и Мануэля Родригеса³. Мною задержан убийца. Я в устричном баре Аранго. Есть. Понял.

Убрав рацию, он снова ткнул задержанного под рёбра.

– Пойдём, парень. Так где у тебя кладовка, Хосе?..

– Там! – перепуганный Хосе махнул рукой куда-то в противоположную сторону. Хорошо, что Пабло этого жеста не увидел. Где кладовка в этом баре, ему было известно не хуже чем хозяину.

* * *

На тротуаре лицом вниз лежал мужчина, одетый точно так же, как и задержанный. Белая рубашка на его спине была прострелена в двух местах напротив того места, где у людей сердце.

Пабло переложил “мендосу” в левую руку, присел на корточки, вытянул грязный указательный палец и с безразличностью потрогал лежавшего за шею. Нечего было и трогать: издали было видно, что тот не дышит.

Быстро собравшаяся толпа в почтительном молчании наблюдала за тем, как исполнительная власть отправляет свои обязанности.

² Псевдоним маньянского революционера Доротео Аранго (1877–1923).

³ Тоже какой-то революционер.

Пабло двумя пальцами выудил бумажник из заднего кармана лежавшего. Кроме небольшой суммы денег там находился синий дипломатический паспорт гражданина страны России.

Пропал обед, подумал Пабло.

Мучимый внезапным подозрением, он вытащил из кармана бумажник того парня, которого он задержал в баре, и развернул его.

Так и есть: небольшая сумма денег и такой же синий паспорт, всё та же Россия.

Ну и дела. Чего же не поделили на его участке двое русских? И чем это пахнет? Для него, Пабло, лично – чем это пахнет? А?

Чем угодно, но только не рагу из индюшки с миндалём и кунжутом.

До сего дня Пабло ни одного русского в глаза не видел. Про русских он знал, что раньше они были правильные ребята, но теперь испортились, потому что снюхались с гринго и катают их на маленьких тележках через заснеженную Сибирь. А поскольку звёздно-полосатые никогда никого ничему хорошему не научат, они, эти глупые русос, перестали честно работать и непрерывно воюют между собой.

Ну и воевали бы, с досадой подумал он, поднимаясь на ноги. Только зачем это делать на моём участке среди бела дня перед самым обедом?

Послышалась сирена.

А, ничем это не пахнет. Не его ведомство будет эту кучу дерьма разгребать. А что он второго русского задержал – так его за это непременно должны будут поблагодарить. Русский там что-то хрипел, но никто не засвидетельствует, что он требовал консула. Тем более Хосе Аранго этого не засвидетельствует.

Какого ещё консула? Не было речи ни о каком консуле. Кока-колу, да, требовал. Консула – нет. А браслеты всё же лучше снять с парня, пока не поздно.

Поздно.

Полицейская сирена гавкнула и смолкла, и вот уже сквозь толпу протиснулся комиссар Ахо Посседа, тощий и серьёзный, как сушённый скорпион. Он был известен тем, что торчал в Управлении полиции чуть не каждое воскресенье, но не из рвения к службе, а оттого, что его склочная жена в компании с тещей и целым выводком дочерей устраивали ему в доме сущий ад.

Пабло поднялся на ноги и приложил два пальца к козырьку фуражки.

– Что тут у тебя? – спросил комиссар, переводя мрачный взгляд с Пабло на труп, и назад.

– Да вот, сами видите... Позвольте мне на минуту отлучиться, сеньор комиссар! Я там задержал одного... Наверняка это он убил... Не хотелось бы оставлять без присмотра, сеньор коми...

– Где задержал? На месте убийства? – отрывисто спросил комиссар.

– Никак нет, в баре.

– Что в баре?

– Задержание осуществил в баре.

– погоди. Ты сам присутствовал на убийстве?

– Нет, сеньор комиссар. Но выстрелы слышал.

– Откуда же ты знаешь, что тот, в баре, убил этого?..

– Вот, сеньор комиссар... – Пабло протянул ему паспорта и бумажники. – Один убитого, другой – задержанного.

– Святая Мария!.. – пробормотал комиссар и полез в карман. – Ты, надеюсь, хотя бы наручники на него не надевал?..

Пабло виновато потупился.

– Смерти моей хочешь? – шёпотом сказал Посседа и достал из кармана таблетку мелипрамина.

– Откуда же я мог знать?.. – так же шепотом ответил Пабло. – У него ведь на лбу не написано, что он эмбахадор⁴ русо!

– Он – эмбахадор?.. – комиссар выронил таблетку.

– Да не эмбахадор, – Пабло поспешил успокоить комиссара. – Какой он эмбахадор. Так, какой-нибудь секретарио если что не хуже.

– Консула требовал? – спросил комиссар и достал из другого кармана таблетку пропазина.

– Какой консул, сеньор!.. Парень со страху язык проглотил. Не каждый день такое видишь своими глазами.

– Что видишь? – спросил комиссар, подозрительно посмотрев на “мендосу”, которую дон Пабло всё ещё держал в потной лапе.

– Убийство, сеньор.

– Так он убил или он видел?.

– Со всей вероятностью утверждать не могу, сеньор. Однако, сами посудите: кому ещё, если не ему?..

– Оружие при нём было?

– Не было.

– Во всяком случае, он свидетель... – зловеще пробормотал Посседа и нагнулся над трупом – Что с орудием убийства?

– Смеётесь, сеньор... – Пабло посмотрел на всё прибывающую толпу зевак.

– Застрелен профессионально, – сказал Посседа. – Две пули – и обе в сердце.

Пабло потрусил в бар, вынимая на ходу ключ от наручников.

Заодно он вытащил из нагрудного кармана пачку заработанных за день купюр и засунул её поглубже в карман брюк. Мало ли что.

Несмотря на строгое предписание «всем оставаться на местах», бар, конечно, опустел. Не каждый день почти у тебя на глазах убивают человека: как тут не воспользоваться возможностью смыться, не заплатив? Да оно и кстати, потому что в полумраке коридорчика перед вытаращенными глазами сержанта первой категории из воздуха материализовалась ещё одна купюра и жаркий голос прошептал ему в мокрое ухо:

Всего пару слов для радио, господин сержант!

Пабло посуровел, вздохнул, покачав брюхом, и потянулся за деньгами.

⁴ Embajador – посол (*исп.*)

Глава 2. День Физкультурника

Да, блондинки есть блондинки, а брюнетки есть брюнетки, и им не сойтись никогда даже в своих крайних, блин, проявлениях. В то время как брюнетка, истекая соком, поёт не своим голосом, распахнув ворота с такою силой, что створки на хрен слетели с петель, блондинка лежит себе, тихо постанывая, смежив ресницы, плотно сжавши ноги, будто ни ухом ни рылом не ведает, что у неё там скворчит и булькает, для кого там готовится весёлое воскресное пиршество.

Если, конечно, это не поддельная блондинка, которых в стране вечных субтропиков конъюнктура рождает сотнями тысяч.

На сей раз попалась настоящая. Перед тем как шаррршавой ладонью раздвинуть ей ляжки и засадить в пылающее чрево побагровевшего от натуги Степана Ивановича, старший лейтенант Пупышев бросил быстрый взгляд на секундомер своей “сейки”. Пятьдесят восемь минут с копейками. В норматив уложился.

Растет мастерство, с удовлетворением подумал Пупышев, сразу достав Степаном Ивановичем до самого дна, отчего девушка выгнулась дугой и даже открыла на секунду глаза, как бы с целью “остановить мгновение”, зафиксировать в памяти сладкую картинку, но тут же закрыла их, чтобы долго не открывать.

Скажем сразу: не всегда удавалось укладываться в норматив. Бывали и проколы. Бывали просто жуткие проколы. Одну американскую туристку в Кампече ему пришлось уламывать аж три с половиной часа подряд. И то: горизонтальное положение она приняла только после того, как они усидели на двоих чуть не литр самогонки, которая здесь называется “скотч”, и это в корне неправильно, потому что после литра этого “скотча” естественным манером не “скотчется” ни фи́га, только тантрические фокусы и спасают от провалу и позору. Впрочем, американка, как потом выяснилось, до встречи со Степаном Ивановичем баловалась лесбийской мерзостью. Но это ни в коей мере не оправдывает старшего лейтенанта. Даже то, что Степан Иванович её от лесбийской мерзости как будто отвратил, во всяком случае, она поклялась больше к бабам до конца жизни не прикасаться, а искать себе мужиков, вот таких как старший лейтенант, даже это несколько не оправдывает Ивана Пупышева. Эх, старлей, зря, выходит, Родина тебя кормила-одевала, водкой вспаивала, в портянку пеленала, не оправдывашь ты её надежд...

Виноват!..

Ладно, иди...

Встал, пошёл.

Однако вот уже четыре месяца старлей доверие Родины оправдывал, железно укладываясь в норматив. Железно. И ни разу не облегчил себе задачу, ни разу не возложил лукавый глаз на брюнетку. Хотя именно брюнетки снились ему по ночам. Они возникали в туманных его сновидениях, манили чёрными лобками в океаны наслаждений, рыдающий Степан Иванович безнадежно буровил матрац.

Приходилось в такие ночи старшему лейтенанту Пупышеву вскакивать с постели на пол и отжиматься по тысяче раз и больше, чтобы рухнуть в сон без сновидений, чтобы утром вскочить бодрым, с лёгким подёргиванием в грудных мышцах и крыльях, и лететь вдоль по пыльным жарким улицам Монтеррея, отворачивая морду от брюнеток, и делать вид, что ничего кроме торговли стройматериалами его в этой жизни не колышет.

А по воскресеньям...

Ненавистные блондинки.

В последнее время он завязал делать это в Монтеррее, памятуя старинную русскую заповедь: “не шали где живёшь не живи где шалишь”. Благо, дела шли, и денег слетать на

полдня куда-нибудь за тыщу вёрст киселя блондинистого похлебать хватало. Монтеррей – город маленький. Полтора миллиона населения – считай, все блондинки наперечёт. А брюнетку – ни-ни.

И не столько потому ни-ни, что это значительно облегчило бы старшему лейтенанту учебно-боевую задачу, а, главным образом, потому, что где-то среди брюнеток по этой стране ходит та самая его Единственная, та, ради которой он уже четвертый год парит яйца в грёбаных субтропиках, не имея другой задачи кроме как не растерять квалификацию...

Конечно, математический шанс невелик на неё наткнуться. Кто спорит. Для гражданского лица – просто смехотворный шанс, отрицать не будем. Но Пупышев – не гражданское лицо. Они здесь со Степаном Ивановичем, как Никита Карацюпа со своим суперпсом, интессы Родины блюдут. Стало быть, нету у них на ошибку ни малейшего права. Стало быть, тренироваться им только на блондинках, мастерство своё растить, пока рога не вострубят и не призовут двух братанов к исполнению воинского долга, и тогда уже – встал, пошёл.

Обессиленный двухнедельным воздержанием, Иван “отыграл первый тайм” уже на тринадцатой минуте. Но Степан Иванович от этого не ослаб и не увял, а, наоборот, взъедрился, скинув балласт, сделался ещё более крепок и игрив. Таперича дело пойдёт веселее.

Блондинка под ним тоже кончила в первый раз, заскворчала, пошла первыми судорогами. Пора перевернуть её на живот, и сделать это красиво, не вынимая “флейты из футляра”, как и положено бывшему кэмээсу по офицерскому многоборью.

И получилось. Хотя блондинка, очевидно, никаким кэмээсом по офицерскому многоборью не была.

С ладонями беда. Шаррршавые, как верблюжье копыто, блин. Хоть в белых перчатках с бабой ложись, как генерал. Он с самой Академии их пемзой трет, а что толку. Ни погладить бабёнку, ни ручкой ей с изяществом помахать на прощание, ни в причинное место толком слазить. Сколько лет уже, как с турника спрыгнул, а...

Да нет, и турник не так виноват, как колхозное детство босоное. Да. Да-с.

Никогда никого бы не удивило состояние рук Ивана Пупышева, если Иван Пупышев Иваном Пупышевым бы и оставался. Но нет – выпала ему судьба, прямо скажем, неординарная. Выпала ему дурища-судьбища ни с того ни с сего из простого русского парня вдруг превратиться в боливийского беженца и фамилию начиная с двадцати двух лет носить – Досуарес. Спасибо, имя оставили. Иван Досуарес, блин! Не Иван Пупышев, российская Федерация, а Иван Досуарес, блин, Маньяна!..

Досу-арес! И-ван! До-су-арес! И-ван!..

Иван, блин, Досуарес, на хэррр.

Прохладный кондиционированный воздух люкса наполнился рыданиями. Блондинку сотрясал третий по счёту оргазм. Не хватит ли, подумал Иван. Говорят, бог троицу любит. Не хватит ли тебе, мучача, впечатлений для одного дня?..

Он посмотрел на часы – единственную оставшуюся на нём часть туалета. Двадцать шесть минут гоняю. Ладно, можно ещё. Минут семь-восемь. Только позу ей ещё раз поменять, чтобы не свело вдруг какую-нибудь нетренированную мышцу. Надо же... блондинка, а... а оргазмы ловит как брюнетка. Может, всё же крашенная?..

Ну, на, получай за это, страстная!..

Чтобы не кончить раньше времени, чтобы отвлечься, он стал думать о Макаревиче. Нет, никто не проводит здесь никаких гнусных ассоциаций. Просто помимо Большого Секрета (на который мы выше намекнули) был у Ивана один маленький секрет, узнав который, его начальство немедленно поставило бы его в ту самую позу, в которую он собирался теперь поставить маньянскую блондинку. Меньше чем через год после заброски Ивана одолела такая дикая тоска по Родине, что он, вопреки всем строжайшим наставлениям инструкторов из Академии, пошёл в музыкальный магазин и купил первое, что попало на рус-

ском языке. А попался ему диск со старыми хитами «Машины времени». Обложку от диска он, разумеется, порезал на мельчайшие кусочки и спустил в унитаз, но сам диск оставил и прослушал его не меньше миллиона раз, потому что на второе нарушение правил он не осмелился, резонно рассудив, что два диска – уже фонотека. Нечего и говорить о том, что все песни с этого диска он знал наизусть, а Макаревича почитал за близкого родственника. Нередко, расслабившись, он закрывал глаза и прокручивал в голове нечто вроде клипа с какой-нибудь из этих песен, а по завершении громко произносил имя автора. Ну, про себя, конечно.

И вот нынче утром случилось чёрт-те что. В самолете он, проводив взглядом стюардессу – самолётник был небольшой, и азафата там была одна единственная – он сначала остриг глазами пассажирок – ни одной, достойной его внимания, не оказалось – он стрельнул в сторону стюардессы, и та оказалась брюнеткой с какой-то перекошенной пастью, тогда он закрыл глаза, и внутри него сама собой зазвучала песня “То ли люди, то ли куклы”. Молча спев её себе от начала до конца, он как бы произнёс: “Группа “Машина Времени” —...” Всё. На этом всё. Как зовут по имени Макаревича, он забыл. Что Макаревич – помнит. Помирать будет – вспомнит. А как по имени зовут —...

Он судорожно начал перебирать в памяти русские имена. Георгий? Нет, не Георгий. Георгием был маршал Жуков, ещё крест такой был. Сергей? Нет, не Сергей. Сергеем звали его соседа по койке в санчасти в Нижегородском высшем зенитно-ракетном командном училище. Тогда свирепствовала эпидемия позорной для солдата болезни свинки, коей в санчасти не хватало, и клали по двое. Вечерами все шестнадцать рыл на восьми койках, вся палата больных и юродствующих, провожая день, хором кричали: “Не-ложитесь-спать-вале-том-дело-кончится-минетом!!!” Потом пришёл генерал-майор с проверкой, увидел это блядство, чуть начальнику санчасти харю набок не своротил. Через пять минут и койки нашлись. Так что не Сергей. Так как же?

Что-то такое общерусское. Иван?

Тьфу, дурак. Иван – это я. И уж точно не Степан Иванович, хихикнул старлей на весь самолет. Сидевшая рядом баба с фарфоровыми зубами решила, что он собрался блевать от укачки организма, и боязливо отодвинулась от него.

А он так и не вспомнил. И это было обидно. Хотя разведчик-нелегал и не должен вспоминать как звать по имени какого-то там Макаревича. Наоборот, это даже ему плюс, если он не знает, что там за Макаревич такой проживает в засранных радиацией сибирских степях. Значит, вжился в образ.

А всё равно обидно.

Эгей, милая!.. Как ты там? Не пора тебе ещё?.. Какой ты там внизу оргазм по счёту хаваешь?

Иван уже со счёту сбился.

Все-таки, две недели не манамшись – растущему организму сплошной вред. Так бы он смог три раза не вынимая, но после двух недель воздержания – извиняйте, никак.

Ну, всё. Почти сорок минут уже. Как бы девку насмерть не затрахать. Пора на посадку. Шасси выпускать и закрылки поднимать. Встал, пошёл.

Он просунул руки под её ягодицы и тесно прижал её к себе, так, что Степан Иванович протиснулся внутрь неё в какие-то уже вовсе немыслимые глубины. Девушка искренне завизжала. Иван Досуарес искусственно зарычал. Девушка завизжала как резаная. Иван Досуарес приостановил долбёж. На две секунды. Это была одна из его коронок. Не зная этого девушка в недоумении напряглась. В наступившей тишине Иван чувствовал, как мелкая дрожь ожидания сотрясала её мокрое тело. Тело, в отличие от хозяйки, очень даже хорошо предчувствовало, что сейчас произойдёт.

И он рухнул в неё, как СС-21 в недра американского континента! Навалился на неё всюю тяжестью, как дымящая лава со склонов Попокатепетля на зазевавшийся “джип” дурака-туриста! И могучий селевой поток хлынул в чрево блондинки, и взорвался в её глубинах, как боеголовка, так, что и наружу брызнуло, вдоль глянцевого фюзеляжа Степана Ивановича, замавав всю постель.

Андрей, вспомнил Иван. Андрей, чёрт побери! Конечно же, Андрей. Ну, надо же было забыть.

Блондинка, не открывая глаз, хватала воздух жадно раскрытым ртом. Тело её бурно содрогалось, отплясывая чарльстон Паркинсона всеми своими частями. Иван скатился с неё, натянул трусы и, насвистывая “*Вот новый поворот*”, отправился на кухню заварить кофейку. По опыту он знал, что в ближайшие пять минут ей будет не до него. Вообще не до кого и не до чего.

И ему уже не до неё. Через полчаса он про неё уже забудет. Завтра встретит – не признает. Даже жалко девчонку немного. Она ведь не виновата в том, что волосы у неё на лобке белые, а не чёрные.

Ты хорошая девчонка.

Ну и ладно. Самолёт его летит назад в двадцать три пятнадцать, времени ещё хоть отбавляй. Ещё нужно прошвырнуться по городу, пошарить по переулкам, поосмотреться в парках, в трущобах, поискать проходняки, заделать тайничок в укромном закутке.

Служба. Хотя и не больно нравился ему город Маньяна-сити, но мускулистой жопой чувствовал старлей, что придет час, и активизируют его именно в этой самой высокогорной столице повышенной вонючести под носом у верховных маньянских властей. Напустят на брюнетистую жену или дочку одного из сильных мира сего.

Жалко, сегодня не достанет времени слетать ещё куда-нибудь на море, где есть подводная охота. Иван, когда хватало денег, очень любил после постылой блондинки провести денёк на одном из маньянских курортов, взять напрокат акваланг, погрузиться в морские глубины, отмыть душу от гонок по горизонтали. Ох, как ему нравилось это дело!

Куда больше, чем так называемый секс.

Он поставил воду на огонь и вернулся в спальню. Блондинка валялась поперёк кровати, раскинув в стороны руки и ноги. Бледная кожа покрылась красными пятнами. Девушка периодически содрогалась всем телом, издавая при этом какой-то полустон-полухрюк.

Бедолага ты, подумал Иван. Не иначе, тебе сильных кобелей в жизни не попадалось... Маньянские пудельки – они ведь больше любят пыль в глаза пустить, а как до дела дойдёт... Ладно, похрюкай ещё три минуточки, а потом я тебя кофейком хорошим отпою.

Сунув в уши наушники от MP3-плеера, сопряжённого с радиоприемником, он вернулся на кухню. Вода закипала.

Ну, вот, не зря день прошёл, считай. А в прошлое воскресенье ему выбраться на охоту не удалось: дела не пустили. Зарплата-то ему идёт, но дома. В России, то есть. А здесь надо на жизнь самому зарабатывать. Пока.

По радио передавали городские новости. Иван принялся возиться с кофе.

Мать честна! Земелю подстрелили на Панчо Вильи! Русская мафия воюет!.. Тррре-пещи, земля маньянская!

Монтеррей, конечно, не Маньяна-сити, но и там уже давно появились и функционировали гадюшники с названиями типа “У Васьки-цыгана”, “Нахаловка” или “Уралмаш”, где, говоря по-русски, можно было добыть что угодно: от педераста якутской национальности до лабрадорского кокаина. Ивану велено было держаться от них подальше. Он и держался. А Макаревич... Ну, Макаревич. Никто не узнает. А мы никому не проболтаемся.

Учуяв запах кофе, блондинка открыла глаза.

– Querido⁵ – сказала блондинка. – Oh, querido mio! У меня в жизни не было такого мужчины.

– Фигня, – улыбнулся ей Иван. – В следующий раз я тебе ещё и не такое покажу.

Зубы у него были здоровенные, белые, еловой смолой на всю жизнь оздоровлённые, выстроенные в две шеренги как взвод кремлёвской охраны на разводе в караул.

Иван ни разу в жизни не закурил.

⁵ любимый (исп.)

Глава 3. Стервятники соратники

В это самое время на другом конце города в фешенебельном отеле для педерастов “El Hermano Vespertino” маньянский резидент ГРУ полковник Бурлак Владимир Николаевич конспиративно встречался со своим когдатошним сослуживцем, бывшим резидентом ГРУ в Карачи, тоже полковником, но теперь уже в отставке, Михаилом Ивановичем Телешовым.

Свою подпольную деятельность на благо Родины они оба начинали в одно и то же незапамятное время в жаркой и влажной помойке на берегу Аравийского моря. На третий год пребывания в Карачи Бурлак вербанул помощника маньянского консула, который вскоре вернулся в Маньяну, но работать соглашался только с вербовщиком, и Бурлак был в оперативном порядке переброшен к латиносам. Телешов остался в Пакистане и к концу афганской войны ходил уже в первых замах, а после второго путча и вовсе сделался резидентом. Потом вслед за Ладыгиным ушёл из службы и затерялся.

А вчера вдруг взял да прилетел в страну Маньяну. Утомленный перелетом и мучаясь – всё же возраст! – от недостатка кислорода, он замертво рухнул на кровать в ближайшей от аэропорта четырехзвёздной гостинице и при помощи дембутала привел-таки себя в относительное состояние сна. Сегодня, в воскресенье, в двенадцать часов дня, свежий, выбритый, неприметный, с дипломатом в руке, он вылез из такси, не доезжая двух кварталов до вышеозначенного отеля. Дальше он прошёлся пешком, по пути проверившись два раза. Привычка свыше нам назначена! Войдя в вестибюль, он назвал приветливому портюе условное имя Диего Гарсия, после чего без лишних вопросов был препровождён в роскошный номер на третьем этаже, где его дожидался старый друг и соратник.

Который в данный момент, то есть спустя час после встречи, сидел посреди полутёмной просторной гостиной на мягком белом с перламутровыми отливами диване, обхватив широкими ладонями кудлатую голову, и стеклянным взглядом смотрел в покрывшие журнальный столик любительские фотографии, которые отдавали порнухой самого оторванного пошиба. Достаточно сказать, что на одном из снимков было увековечено, как в гардеробной Союза кинематографистов России сразу трое молодцов активно уестествляют его супругу Ольгу Павловну, как это называется в хитром на филологические изыски русском народе, “в три смычка”. Одним из эротоманов был кинорежиссер, снявший известный всему Отечеству рекламный ролик с чёрной кошкой и вертолетом. Другим был – чего греха таить – человек собственно Телешова, которому тот поручил вести наблюдение за озорницей супругой Владимира Николаевича, и которому профессионализм не позволил отказаться от неожиданного приглашения поучаствовать в молодецкой забаве. Третьим – и это обиднее всего – был некий аварец, вообще не имеющий никакого отношения ни к военной разведке, ни к российскому синемаграфу.

Владимир Николаевич сжимал руками голову и тихо покачивался взад-вперед, как старый еврей на молитве. О том, что это подделка, у него и мысли не возникло. Взгляд, которым ОП смотрела в объектив, был весьма красноречив и знаком до боли. Не оставалось никаких сомнений, что супруга в Москве... скажем так: пустилась во все тяжкие.

Страшно подумать, что бы сделали с Бурлаком за этот её, прости господи, *промискуитет* при прежнем режиме. Теперь же – вроде как и дела никому нет, кроме старого товарища.

Или есть?..

Ольга Павловна покинула субтропики семь лет назад, резонно решив, что в столице нашей Родины жизнь её будет куда насыщенней и разнообразней. С тех пор она постоянно жила там, за всё это время навестив супруга три раза. Раз в два года и сам супруг наезжал в город-герой Москву в отпуск. В последний раз, правда, это два года назад и случилось. Дома

ему не понравилось. Больше он в отпуск не рвался, резонно понимая, что может оттуда и не вернуться. А домой – ни насовсем, никак – ему не хотелось.

Было, было время, когда Володя Бурлак если о чём и думал, так исключительно о бабах. Шли годы, и на смену сложным думам о бабах пришли простые и ясные думы о работе. В последнее же время полковник Бурлак думал, большей частью, о пенсии, даром что пятьдесят шесть – для мужчины не возраст.

Пенсия представлялась ему маленькой и грязной старухой, которая, лукаво щерясь, манила его торчащей из истлевших лохмотьев костлявою рукою за собой, в непролазную темень. Бельма её пронзительно светилась жёлтым жирным болотным огнем, и бравому полковнику казалось, что там, в темноте за её спиной, куда она его манит, он должен будет лечь на неё, и она покатит его, как вагонетка, по длинному чёрному тоннелю, в конце которого – никакого света, всё врут яйцеголовые, всё врут, собаки учёные.

По большому счёту, Бурлаку было глубоко наплевать, кто там, где и как возмещает его Ольге Павловне дефицит мужского внимания. Супружество их давно стало фикцией; вот только развод был нежелателен, потому что Ольга Павловна служила в том же ведомстве, что и Бурлак, только по финансовой части. Ни весьма прохладные отношения между ними, ни чересчур горячий темперамент Ольги Павловны секретом для руководства не являлись. Ну и что? Не те времена, когда за эти дела партийный билет на стол выкладывали.

От всяких попыток урезонить бешеную бабу он давно уже отказался – себе дороже. Политика – искусство возможного, тут выше жопы не прыгнешь. Он гнал от себя мысли о своём дурацком браке и интуитивно ждал от всей этой истории какой-нибудь подлянки.

Мог ли он представить себе, что сегодняшний день с такой безжалостностью подтвердит его ожидания?

Ответим прямо: мог. Потому что когда старый друг Михаил Иванович связался с ним через секретный канал связи и сговорился о том, что на днях заскочит в гости, Владимир Николаевич, который, надо сказать, не зря ел хлеб на своём посту, то ли просчитал, то ли догадался о чём будет с ним разговор. Также он предположил, что супругу его приплетут ко всему этому обязательно, и, представляя, какой реакции ожидает от него старый друг, сидел теперь, покачиваясь, на перламутровом диване, лелея башку в ладонях и глядя на поверхность стола, в уме почти дословно выстраивая в шпионских своих мозгах их дальнейший разговор.

Херня, которая творилась в Отечестве в девяностые годы, отсюда, из-за океана, выглядела какой-то полнейшей безнадегой, сюрреалистическим кошмаром, как если бы камарадо Сикейрос скопировал по памяти босховский “Сад наслаждений”. Стрельба на улицах, инсургенты по бывшим автономиям – это полбеда, этого добра и в Маньяне хватает с лихвой. Но вот как можно не платить зарплату человеку с ружьём – это в голове не укладывалось. Это старого полковника, который в редкие свои визиты на Родину пятитысячную купюру от пятидесятитысячной отличать так и не научился, не только пугало, но ввергало в полную тоску.

Позорные девяностые канули в Лету, и ситуация с зарплатами как будто начала выправляться, однако картина жизни в родном Отечестве не только не прояснилась, но, наоборот, казалась полковнику всё непонятнее и непонятнее.

Особенно смущали его некоторые кадровые назначения. С гэбьём он работал бок о бок всю свою, можно сказать, сознательную жизнь и знал эту публику достаточно хорошо. Но одно дело когда гэбэшника назначают президентом страны – это ладно, президентом можно кого угодно назначить. Или, там, управляющим нефтяной компанией. Это ладно. Но чтобы паркетного гэбэшного генерала поставить во главе армии... Это, пожалуй, было чересчур. Впрочем последнее назначение на этот пост тоже ясности в картину мира не вносило.

И, надо полагать, там, в России всё сейчас так – шиворот навыворот?

И как там жить, в этом сумасшедшем доме? И где жить?..

Рядом с гнусными фотографиями на столе парились в лучах света, продирающихся сквозь плотно закрытые жалюзи, копии каких-то лицевых счетов, договоров и свидетельств, которые, если верить Телешову, свидетельствовали, что никакой жилплощади у полковника Бурлака в Москве более не имеется, а имеется жена с жилплощадью, что совсем не одно и то же, ежели учесть её фантастическую для сорокадевятилетней матроны бледовитость.

Присутствовали на столе и другие документы, тоже не внёсшие в жизнь Владимира Николаевича ничего светлого и обнадеживающего. И опять же, у него даже тени сомнения не промелькнуло в том, что все эти бумаги – подлинные, и что старый друг его нисколько не разводит, глаголет чистую правду, ожидая сакраментального вопроса: «Как же ей, так её растак, удалось всё это повернуть?» Подумав, Бурлак решил данный вопрос не озвучивать. Он предпочёл стиснуть голову руками, изобразив из себя вратаря Льва Яшина, нечаянно поймавшего мяч, который летел в ворота “Спартак”. На вощёном паркете рядом с диванчиком сверкало посеребрённое ведёрко со льдом. Из льда торчало горлышко водочной бутылки. Рядом на полу валялось оказавшееся в этой ситуации неуместным шампанское “Поль Роже”.

Тем временем его друг и соратник Михаил Иванович, обозначив тактичность, удалился в другую комнату – спальню. Посмотревшись в тонированное зеркало на потолке, Михаил Иванович пригладил жидкий пенсионерский пробор поперёк круглой лысины, отдававшей перламутром не хуже дивана в гостиной, выглянул в окно сквозь щёлку в жалюзи – на тихой улочке было спокойно и безлюдно, только маячил широкоплечий парень в тёмных очках и с пистолетом под пиджаком – после чего брякнулся поверх мехового пледа на водяную кровать и закурил тонкую длинную сигарету – первую за день.

На все лирические переживания он отпустил Бурлаку ровно пятнадцать минут. Времени, честно сказать, оставалось в обрез, а поговорить нужно было о многом. Ввинтив окурок в пепельницу испанского хрусталя, он открыл шкафчик сбоку над кроватью, отстранённо осмотрел внушительную коллекцию различных вазелинов, бодро прыгнул на пол и вошёл в затемнённую гостиную.

Когда Бурлак, изобразив трудный отрыв помутнённых глаз от печальных свидетельств его нищеты и позора, поднял голову, на столе перед ним уже стоял длинноногий фужер, потный, как эскимос в Руанде, до краёв наполненный универсальным вся-моя-печали-утолителем, а в чистой пепельнице справа от фужера желтели тонко порезанные лимонные дольки.

– Может, у тебя там и сала шмат преет идэ-нибудь? – спросил Бурлак, пожирая глазами длинноногий фужер.

– Извини, отвык за долгие годы жизни среди мамедов, – усмехнулся Телешов.

– Сегодня ещё фуршет этот грёбанный в посольстве... – пробормотал Бурлак, берясь сарделькообразными пальцами за ножку фужера. – В честь дня то ли конституции, то ли реформации, то ли реституции... Ну, со свиданьем тебя, Михалываныч! Это сколько же лет прошло!..

Перед Михаилом Ивановичем стоял фужер в точности такой же, как и перед Владимиром Николаевичем. Фужеры звякнули друг о дружку и, сотворив по нестеровской петле, отдали содержимое двум могучим армейским желудкам.

Отдали.

Отдали, отдали московскую гнусь и мерзость.

Михаил Иванович взялся наполнить фужеры по-новой. Он был доволен старым другом: крепок боевой конь, не распался на атомы, узнав о коварстве супружницы, не стукнула в кудлатую медвежью башку застоявшаяся климактерическая моча, наоборот, способен шутку из себя выдавить, стало быть, вполне ещё годен для дела. А к делам мы сейчас и перейдём. Не ностальгическим же, японская богоматерь, воспоминаниям предаваться прилетел он сюда на другую сторону планеты.

– Ты, собственно говоря, уверен, что здесь место вполне безопасное?.. – спросил Телешов.

– Шутишь, – сказал Бурлак. – Это же jag-house. Дом для тайных свиданий. Просекаешь? Доны педры, которые сюда ходят – люди семейные, при должностях, на виду – цены то тут такие, что урла не сунется. Опять же, тут не Карачи, где кто ишака своего не дерёт – не мужчина. Католическая страна. Официально одна дырка существует, куда мужчине полагается засовывать свою кочерыжку. Значит, что? Клиентам полнейшая конфиденциальность требуется. Так что служба безопасности за километр вокруг всех любопытных и подозрительных шерстит. Мои ребята проверяли. Нет, с этим всё надёжно.

– А ребята твои, часом, не в курсе...

– Что ты приехал? Нет, никто ничего не знает.

– Это хорошо. Мне тут светиться не хотелось бы... Бери рюмку. Между первой и второй – перерывчик – какой? Небольшой.

– Давай про дело, Миша. Побалаболить за старые времена, конечно, приятно, но времени в обрез и у меня, и у тебя. Твой самолёт во сколько? – Бурлак бросил на старого друга быстрый внимательный взгляд.

Михаил Иванович вместо того, чтобы ответить по-человечески, по-военному, что, дескать, во столько-то, начал озабоченно смотреть на часы, цокать языком и приговаривать, что да, дескать, совсем времени в обрез, прав, как всегда, Володя, прав, уже внукам купить подарок практически времени не остаётся... И немедленно наполнил фужеры в третий раз, но уже не до краёв, а меньше, чем наполовину.

– То, что дома меня дожидается одна сплошная херобина, я и без тебя, Миша, знаю, – сказал Бурлак, вертя в руке фужер с водкой и любуясь играющим в прозрачной алкогольной среде солнечным лучом. – Тут ты мне ни хера Америку не открыл, брат.

– Угу, – прогудел Телешов. – Что же касается э-э-э... судьбы, которую намечает тебе руководство... то я тебе, Володь, прямо всё скажу. Служба твоя заканчивается. Ходит слух, # тут Телешов оглянулся по сторонам и понизил голос, # что заграничные резидентуры ГРУ вообще ликвидируют. Зачем, говорят, нужны две разведки, хватит одной СВР.

– Миша, ты что несёшь?! – изумился Бурлак. – Как можно ликвидировать военную разведку?

– Ликвидировать можно всё. Два года назад сенатская комиссия США подняла кипеж, когда нашла в Пентагоне спецслужбу, неподконтрольную ни сенату, ни правительству. И запретила её. А в окружении нашего кто-то под это дело двинул проект: нашу спецслужбу тоже разогнать, в порядке доброй воли. А наш, как ты сам знаешь, в такие мелочи не вникает, не до того ему, человек занятой. Он всякую чепуху сваливает на не столь занятых пацанов... А военная разведка тем пацанам на фиг не нужна...

– Да быть того не может!

– Может, не может... В наше время всё может быть. Да ты сам-то прикинь: много ли в последние годы по своей линии наработал? А во сколько раз твой личный состав сократили? Подозреваю, что не в полтора и даже не в два...

Бурлаку нечего было на это возразить. Действительно, во вверенной ему резидентуре правили свой унылый бал полнейшие застой и стагнация. За последние лет семь он практически не провёл ничего достойного и масштабного; так, обслуживал «транзиты», проводил агентурный регламент, подпитывал старые контакты да жрал текилу на разных приёмах с другими военными атташе и послами. Несколько раз по приказу из Центра затевались какие-то хитроумные операции, но на полпути всё сворачивалось «в связи с изменившейся оперативной обстановкой». Хотя оперативная обстановка эта, насколько Бурлаку было известно, ни в чём и никуда не менялась. Если же он сам предлагал какую-нибудь операцию, приходил

из Центра ответ: не надо. И это было непонятно. Такое впечатление, что на ГРУ цикнули, чтобы не напрягались не по делу вблизи американской границы.

Поэтому он сильно удивился, когда услышал не так давно, как американский главшпион Майкл Макконнелл заявил во всеуслышание, что деятельность российских спецслужб против США по своему размаху сейчас приближается к периоду «холодной войны». То есть достали русские шпионы американцев.

Впрочем, на то они и шпионы, чтобы правды вслух не говорить.

Теперь о тебе, # продолжал Телешов. # На твоей территории роются смежники: ФСБ перетряхивает армейские интересы, связанные с Маньяной. Наши армейские отцы-командиры тоже роют, и тут уж, как ты понимаешь, кто быстрее. Подробностей я, друг, не знаю. Пока не знаю. А только неизвестный мне *наш* человек на самом верху сообщил, что была телега из ЦРУ, будто что-то здесь неладно. И этой телеге дали ход.

– Обязаны были меня проинформировать, – проворчал Бурлак.

– Обязаны... – скривился Телешов. – Ты последний зубр на таком посту, всех уже сменили на этих, новой генерации... Кто будет информировать *тебя*? Проинформируют того, кто тебе на смену... Если она вообще будет, смена.

– А в чем суть-то? Чего ищут?

– Какие-то нелегальные армейские поставки в страну Маньяну... Отсюда и варианты. Нароют что-нибудь нехорошее, уйдёшь с позором. Не нароют – уйдёшь, как есть... А то и лампас пришьют. Но в любом, Володя, случае в сентябре ты будешь стучаться в двери к любимой супруге и проситься переночевать. А она тебе из-под очередного ёба...

– Вот ты зачем мне эти бумажки показал.

– Да, там без вариантов.

И опять фужеры, исполнив в прохладном кондиционированном воздухе па-де-де, поцеловались со звоном и слили своё сокровенное в двух разведчиков.

Миша, ты работаешь на государство? – спросил Бурлак, крякнув шепотом, и вперился в глаза своему визави.

– Я, как ты, Володя, наверняка знаешь, работать на государство завязал лет этакнадцать тому назад. Работаю я теперь в... некой Академии. Руковожу, скажем... некой силовой структурой. Тебе известно, что такое силовая структура в наше время?

Бурлак поморщился и промолчал.

– Допустим, – продолжал Телешов, – это служба безопасности некой... банковско-аналитической ассоциации...

Бурлак нахмурился. Слишком много непонятных слов произносил старый друг.

– Конечно, я здесь не для того, чтобы предложить тебе стоять у входа в какой-нибудь сраный банк в красивой фуражке с пушкой в руке и в ноздри посетителям заглядывать. Недооценивать тебя и в мыслях нет, Володь.

– Ага. Банковская ассоциация, говоришь... – забормотал Бурлак, изображая усиленную работу мысли. – Латинская Америка... Работу, что ли, предлагаешь?

Почему нет?

Новых русских эйхманов⁶ ловить, правильно?

– Прямо в точку попал! – восхитился Телешов, взмахивая сигаретой. – И другие всякие дела.

– А почему я, Миша? – проговорил Бурлак, внимательно глядя на Телешова.

– Именно потому, что ты последний зубр.

Над перламутровым диваном повисло молчание.

⁶ Карл Эйхман – видный гитлеровец; после войны смылся в Аргентину, откуда был выкраден израильской разведкой, привезён в Израиль, судим и повешен.

Бурлак задумался. И так, скакать ему по земле маньянской с диппаспортом в зубах осталось недолго. А домой не хотелось. В такой ситуации лишь как чудо можно было ждать прихода некого деда мороза, который сказал бы: не иди ты, Володя, в нищие бездомные пенсионеры, не езжай ты домой, оставайся в субтропиках. Вот тебе денег на обустройство, вот тебе хорошее дело, которое ты умеешь делать, и живи тыщу лет, сам радуйся, нас радуй, лови, например, сбежавших сюда воров, оставайся мужчиной и уважаемым человеком! И дед Мороз явился, в облики старого друга Телешова. Вот только не всё тут понятно. Силовая структура, банковская ассоциация, плюс гулянки Ольги Павловны, да ещё и эта новость – что его «разрабатывают» спецслужбы Отечества родного... Включая старого друга Мишу и его ассоциацию. Академик, мать его...

– Но жить я буду здесь? – спросил Бурлак.

– В любой стране, на выбор, – ответил Михаил Иванович. – Весь континент в твоём распоряжении. Хоть в Калифорнии, если хочешь.

– Да ну её в жопу, – застенчиво сказал Бурлак. – Мне Коста-Рика больше нравится.

– Хозяин – барин, – многозначительно ответил Телешов. – Теперь об Ольге.

– А Ольга здесь при чём? – удивился Бурлак. – Мог бы и не совать мне в морду эти фотографии и бумаги. Всё это мне и так хорошо известно.

Врёшь, # сказал Телешов. – Про то, что она тебя квартиры лишила, ты не знал.

Ну, не знал. Но подозревал, что и такое возможно с её стороны.

– Так вот. Это мы и хотели бы выяснить.

Что «это»?

– При чём тут Ольга. Она сюда на днях летит непонятно зачем. Короче, подключайся. Оторви зад от кресла, выясни со своего шестка, что за суета вокруг тебя, что тут за таинственные поставки, от кого и кому. Начальство твоё ничего тебе не скажет, но на деле это будет финал твоей старой службы и начало новой.

– Новой, – вздохнул Бурлак. – Ты, Миша, вот что мне объясни. Я отсюда, из Маньяны, кое-чего не понимаю.

– Спрашивай.

– Вот ты полковник армейской разведки. У тебя только орденов – двенадцать штук, так? Могу перечислить, за что каждый.

– Не надо, я и сам знаю, – ответил Телешов.

– И теперь на старости лет подался ты, Миша, служить жуликам. Ворам. Кадровый офицер, всю жизнь, так сказать, положивший на алтарь Отечества... У бандитов на побегушках. И меня, офицера, подписываешь...

– Продолжай, продолжай, – спокойно сказал Телешов. – Я слушаю.

– Как так, Миша? Как так получается? Всю жизнь ты боролся с врагами Отечества, а теперь им же, врагам, и служишь?..

– Всё сказал?

– Всё. Теперь тебя слушаю.

– Я, Володя, не служу ворам. Ведь что такое Отечество? Отсюда тебе хорошо нас ругать да критику наводить. Потому что понятия и критерии твои – абстрактны. А там, дома, вещи предстают в несколько ином освещении.

– В каком?

– А в таком, что не сразу и поймёшь, Отечеству ты служишь или тем же ворам, только пожаднее и понахрапистее, чем другие воры... Потому что где вор, а где государственный человек, теперь и не знаешь толком; перемешалось всё...

Бурлак, который так примерно и думал, с тоской взглянул на старого друга, спросил тихо:

– Неужели совсем никакой надежды?..

– Будем работать – будет и надежда, – ответил ему старый друг Михаил Иванович. – Не станет Русь банановой республикой, если мы с тобой этого не допустим. Для того и зову тебя...

– Ну, слава богу, – ответил ему шёпотом Бурлак. – А я-то решил, что ты и впрямь из армии уволился.

– Ну, ладно, ладно. В общем, я тебе всё, что надо, объяснил. Остальное сам обдумаешь. А теперь давай выпьем. И договоримся о способе связи. И нам пора.

И они выпили, после чего быстро обсудили технические вопросы. Бутылку с остатками водки и недоеденный лимон Телешов убрал обратно в портфель. Всё, что было в пепельницах, ссыпал в целлофановый мешочек. Бурлак вытащил носовой платок и потянулся протереть фужеры, чтобы на них пальчиков не осталось, но Телешов остановил его, достал из «дипломата» аэрозольный баллончик с яркой красной этикеткой и обработал из него все поверхности, к которым они прикасались.

– Заодно это говно пожги в пепельнице! – сказал Бурлак с простодушным доверчивым видом, показав на фотографию и копии документов. – Нечего сказать, порадовал старого друга!..

Телешов, конечно же, костра разводить в помещении не стал, а вынул из того же «дипломата» шредер размером с ладонь и скормил ему все бумаги, причем работал приборчик совершенно бесшумно.

– Всё вроде...

– Всё, – ответил Бурлак, оглядев помещение. Они вышли; Бурлак запер декорированную красным деревом стальную дверь. Вслед за этим он достал из кармана мобильник, помахаив от стены к стене, улавливая, где тут есть волна; нашёл; набрал номер. Буркнул, когда ответили:

– Перезвони.

Дождался звонка, спросил:

– Что нового?..

Послушал, похмыкал. Кинул в трубку: «Наших проверял, все живы?»... Ещё послушал и отключился. Сказал Телешову:

– Можно уходить, всё чисто.

– А что там, не все живы? – невинным голосом спросил Телешов.

– А, это... Телевидение сообщает, что на улице Панчо Вильи застрелили какого-то американца, а радио – что русского дипломата... Извини, мне надо в бункер, разбираться, что там. До связи, друг... ты уходи первым.

И они обнялись на прощание, будто впрямь голубые вечерние братья, столь обычные для этого элитного заведения, и разошлись.

Глава 4. Очевидец

Теперь меня сошлют куда-нибудь в Нарьян-мар, весь дрожа, терзал себя старший лейтенант Курочкин. На остров Ямал. Или это полуостров? А, какая, к чёрту, разница... О, я Мудацких Мудак Мудакович, кретино-болвано-импотенто!..

– Que, сеньор? – переспросил охранявший его Пабло Каррера. – Что?

Последнее Курочкин нечаянно произнес вслух.

– Ничего, жопа ты маньянская, – улыбнувшись дипломатической улыбкой, ответил он линейному сержанту первой категории на чистом русском языке. – Кирдык моей карьере, брат. И даже не ты тому причиной. Я на тебя не сержусь.

Старший лейтенант Курочкин заломил в отчаянии руки и замолчал. На секунду ему показалось, что было бы куда лучше, если бы бешеная сучка застрелила его, а не майора Сергомасова, которого он прикрывал. Его будущее теперь представлялось ему оглушительно ясным.

Через полчаса приедет консул, а с ним приедет третий секретарь посольства, он же – резидент СВР. Ещё через полчаса под портретом Железного Феликса в тяжёлой дубовой раме, висевшим в посольском кабинете резидента ещё со времен Александры Михайловны Коллонтай, его, Курочкина, будут метелить его коллеги.

И хорошо, если только вербально. Завтра первым же самолётом его отправят в Москву. Вместе с “грузом 200”, то есть запаянным в цинк майором Сергомасовым, погибшим по его, старшего лейтенанта Курочкина, вине. Или всё же не по его? Как во времена Тараса Бульбы, с горькой обидой на свою неласковую Родину-мать подумал Курочкин. Кладут в могилу сначала убийцу связанного, а потом – гроб с телом убиенного...

Дикая страна, дикие нравы.

А потом сорвут погоны и с треском вышибут из органов.

Может, ему и сошло бы с рук всё с ним произошедшее, когда бы он был старый заслуженный кадр. Зубр разведки. Тоже, конечно бы, не сошло, но всё же... Но старший лейтенант Курочкин прибыл в страну вечных субтропиков ровно неделю назад – его и в СВР-то перевели только после того, как президент велел спецслужбам «не совать свой нос в гражданское общество», и ФСБ его услуги стали не нужны. Вот и учли знание испанского языка...

И сегодня было у него самое что ни на есть первое задание на вражеской территории. Он работал в прикрытии, то есть наблюдал тылы майора Сергомасова, который целый день выслеживал какого-то местного мужика.

Что за мужик и зачем покойнику понадобилось за ним следить, Курочкин не знал, знал только, что, вроде бы, из террористов. Цивилизованный мир объявил терроризму войну, а тут, в Латинской Америке, каждый второй – террорист, так что слежка за одним из них – дело не удивительное.

Битых пять часов таинственный мужик таскал их за собой по раскалённому городу. Впереди – террорист, следом за ним, обливаясь потом, # майор Сергомасов и ещё дальше # старший лейтенант Курочкин. Ясное дело, что Сергомасов держался на изрядной дистанции от мужика, а Курочкин – на изрядной дистанции от товарища майора. Так они следили друг за другом, пока откуда ни возьмись не выскочила из подворотни какая-то сумасшедшая баба и не выстрелила два раза в майора, после чего куда-то исчезли и она, и тот мужик, за которым следил Сергомасов. Курочкин в этот момент находился в толпе, метрах в пятнадцати от майора. Когда тот упал, Курочкин растерялся и в течение некоторого времени стоял столбом посреди взбесившейся толпы, не зная, что ему в данной ситуации полагается делать. Гнаться за бабой ему даже в голову не пришло. Она и, наверное, её мужик были при пушках, тогда

как он и майор даже перочинных ножилов при себе не имели. Подойти к майору, оказать первую помощь – а можно ли?..

Такой инструкции ему дадено не было. Да и не умеет он оказывать никакой первой помощи. И от крови у него голова кружится и тянет в обморок упасть. Кроме того, он покойников до смерти боится. Он сроду вблизи не видел ни одного покойника. Даже когда отца хоронил, старался держаться как можно далее от гроба, накрытого кумачом.

Тем более никогда не приходилось ему видеть, как человек умирает. Он думал, что это бывает вона как: оглушительный выстрел – бабах! – по ущелью – человек изгибается – лицо обращено кверху – к небу – побелевшие губы что-то шепчут – знамя падает из рук – кадр замедляется – убитый падает долго-долго, так, что можно самому двадцать раз помереть, пока он падает. А тут всё было не так. Всё было как-то чересчур просто. Стоял-стоял человек, и вдруг упал. Щёлк-щёлк, и он упал без звука.

И от этой простоты так сделалось Курочкину жутко, что неизвестно ещё, как бы он себя повёл, когда бы не толпа маньянцев вокруг. Может, сразу бы сошёл с ума. Может, завыл бы. Но толпа его быстро отрезвила. Одну лишь минуту он ощущал нереальность, нелепость, ужас, чудовищность и т. д. произошедшего, и время вокруг него раскололось и обтекало его с двух сторон, в него не проникая. Потом, благодаря, отчасти, поднявшейся суете, он пришёл в себя и решил смыться, с каковою целью вошёл в первый попавшийся кабак, где его и повязал этот потный толстомордый полицейский, которого он только что недипломатично обозвал жопой.

И на всём белом свете некому было теперь заступиться за старшего лейтенанта, которому – видит бог – просто не повезло. Просто обстоятельства так сложились, а он-то в чём виноват? Ни в чём! Но кому теперь это докажешь. Были бы живы батя или дед – поддержали бы последнего представителя династии.

Но Курочкин-дед, полковник в отставке, награждённый орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, а также знаком “Почетный сотрудник государственной безопасности”, помер ещё в конце восьмидесятых. Всю жизнь дедан держал язык за зубами, и только под самый занавес начал плести всякие небылицы. Будучи под мухой, рассказывал внуку о том, как в пятидесятом году на своих руках затащил на высоту четыре тыщи метров и засыпал в жерло вулкана Мауна-Лоа на Гавайях три с половиной тонны тротила. Или о том, как в пятьдесят втором слямзил у американов ракету Р-5, которую вскоре Васька Сталин, прилетевший с проверкой на Капъяр⁷, да подпив со свитой, лично запустил полетать, вследствие чего в одну секунду сгорело в ядерном пламени пол-Магнитогорска. Потом вдруг какой-то бойкий щелкопёр из перестроившегося “Московского Козломойца” ни с того ни с сего взял у дедушки интервью. Старый мудак сообщил, что собирается писать мемуары и ещё выдал буквально следующее: “Думаю, что молодым читателям будет любопытно узнать *из первых рук* подробности о таких значительных событиях, как убийство президента Кеннеди, карибский кризис и т. д.” Через три дня после публикации интервью дедушка скоропостижно скончался, не успев приступить к мемуарам. Похороны были по-чекистски скромными.

Курочкин-папа, полковник бывшего Пятого управления, впоследствии контрразведчик, окоурился в конце ельцинского правления на конспиративной квартире возле Белого Дома в умелых объятиях штатной сотрудницы Седьмого Управления, оперативный псевдоним Дерьмовочка. Организм старого служаки, подорванный алкоголем, не вынес ударной дозы стимулятора. Курочкин-сын, в то время ещё никакой не штатный сотрудник органов, а молодой художник, не имевший ещё персональных выставок, но многообещающий, об

⁷ Капустин Яр – секретный ракетный полигон под Волгоградом.

обстоятельствах отцовской смерти узнал из уст самой Дерьмовочки, которая ему, как и его папаше, никогда не отказывала в частных удовольствиях.

Разумеется, ни словом он мамане об этом не обмолвился. Маманя свято верила в то, что супруг её и повелитель принял смерть на боевом задании. Что, впрочем, не мешало ей спустя некоторое время утешиться с начальником местного собеса, наглым и нахрапистым ворюгой моложе её лет на десять. Вскоре начальник собеса радостно поселился в габэшном билдинге сталинской постройки неподалеку от метро Таганская-радиальная. Курочкина он ни в грош не ставил, а тот, будучи человеком мягким, порой даже чересчур мягким, противостать этому паразиту не мог, тем более что маманя во всех домашних спорах брала сторону своего сожителя.

И когда жизнь Курочкина под одной крышей со сладкой парочкой сделалась совсем невыносимой, он пошёл в органы, где его, надо сказать, давно ждали. Ведь династия – великое дело для тех, кто понимает. А в органах непонимающих не держали и не держат. И надо же ему было так опрофаниться в первой же своей заграничной командировке!

И куда мне теперь, распял себя Курочкин. В Чечню завербоваться? Так я крови боюсь. В коммерцию? Но у меня всегда было плохо с арифметикой. Вернуться в художники?..

А что, это мысль. Только там ковровой дорожки для меня не постелено. Придётся сидеть на Арбате и карандашные портреты рисовать по сто рублей штука.

Тут какая-то интересная мысль скользнула в голове старшего лейтенанта, но так быстро, что он не успел схватить её за хвост и пристально рассмотреть.

И на что я променял искусство, горько вопрошал он сам себя. А? Нет бы, поселиться в Малаховке на даче, устроить там мастерскую на просторном чердаке, писать картины... Реализовывать свои таланты надо. Пусть я хоть три года посижу на Арбате, бабок набомблю, а там, глядишь, займусь серьёзной живописью, выставяться начну – хорошо! Ну, не выпустят за границу лет пять, да и чёрт с ней. Вот я и так за границей, и много мне с того радости?..

А что потом? Потом-то что? Когда сбудется обещанное отцом, когда Проект Века, разработанный великим Ювеналием Вацлавичем (который так скоропостижно скончался в восемьдесят третьем году, когда Курочкин ещё пешком под стол ходил) и осуществляемый его последователями, войдёт в свою третью, завершающую стадию, и снова затрепещут над Россией красные стяги, и снова будет СССР, и снова будут среди народа и паршивой интеллигенции страх и уважение к доблестным чекистам... Как караси на сковородке запрыгают тогда сучьи предатели, изменившие делу Железного Феликса – ради чего? Ради паршивых зелёных бумажек?.. Виляя хвостом, с этими самыми бумажками в зубах, на четвереньках приползут они на Лубянку, будут лебезить, врать, что ради дела партии полезли они в дерьмовище, будут унижаться, только бы взяли их обратно... Тьфу!..

Да нет, не пустят меня на Арбат с мольбертом, вдруг отчётливо понял Курочкин. Не дадут бабок набомбить. Не в традициях это советских органов государственной безопасности. Упекут меня в тюрьму без суда за то, что дал боевого товарища убить, и буду я там гнить, пока совсем не сгнию. И никаких красных флагов и счастья трудящегося человечества никогда уже не будет... Никаких выставок и признания в мире и в Отечестве.

Ну ладно, не тюрьма. Но со службы точно выгонят с волчьим билетом. И точно никаких выставок.

А не выгонят – то загонят служить на Чукотку, где двенадцать месяцев зима, остальное – лето. И эскимосы вокруг, одни эскимосы...

Это и была, что ли, та мысль, которую я поймать не успел, подумал он. Нет, мысль была другая. Что-то определённо связанное с живописью и Арбатом...

Боже, как не хочется на Родину!..

Комиссар Посседа слыл в уголовной полиции занудой и формалистом. Он троекратно спросил толпу, не видел ли кто, как произошло убийство, и толпа троекратно отреклась, хотя на самом деле видел каждый второй. Посседа ни на что и не рассчитывал. С чувством отчасти выполненного долга он направился к задержанному русскому дипломату.

– Итак, сеньор, – занудел комиссар, – как мы уже установили, на месте убийства вы присутствовали. Вы имеете право не отвечать мне без вашего консула и без переводчика, кстати, и за тем, и за другим уже послали, но я обязан задать вам вопрос: видели ли вы, кто стрелял?

Исполненный ненависти к зануде-комиссару, линейный сержант первой категории Пабло Каррера тем временем нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Его клокочущей утробе до убийства русского дипломата не было никакого дела. Утроба, одобренная виноградной водкой, требовала воскресного обеда и надсадно урчала, не смущаясь присутствием ни комиссара Посседы, ни русского дипломата, который был тих и задумчив и больше ничего себе под нос не бормотал.

Труп уже увезли куда следует. Вместо незадачливого майора Сергомасова на раскалённом асфальте лежал очерченный мелом один только контур его силуэта. Два детектива из отдела по расследованию убийств задумчиво рассекали толпу, которая уже начала рассасываться, утратив интерес к произошедшему. Двое репортёров попивали пиво, демонстрируя на наглых мордах полное безразличие к Поссede, к русскому и к самому Пабло, что было последнему несколько обидно. Впрочем, он успел дать блиц-интервью, не преминув отметить свои заслуги в этом деле, и надеялся, что по радио прозвучала уже в дневных дежурных новостях его динамичная фамилия.

Теперь же, по мнению Пабло, делать здесь им более было нечего. Убийство – типичный висяк, свидетелей нет и не будет, орудия убийства нет и не будет, и не жалко: пускай бы эти русские сами разбирались между собой на своих заснеженных просторах. Конечно, комиссар обязан исполнить разные формальности, предписываемые протоколом. Но двадцатилетний опыт службы в столичной полиции подсказывал Пабло, что результат будет определенно равен нулю. То есть, конечно, всякому понятно, что не менее сотни человек видели, кто стрелял, из чего стрелял, в какую сторону потом побежал. Но лицезреть своими глазами живого и здорового очевидца, свидетеля преднамеренного убийства, дающего показания следствию, Пабло за всю службу ни разу не доводилось. Мёртвых свидетелей – тех видел пару раз. Избитого до полусмерти и забывшего как маму зовут – тоже разок пришлось. Живого, здорового и говорящего – нет.

Так что чего, спрашивается, усердствовать? Тем более, что Посседа всё равно не будет этим делом заниматься – совсем в другое ведомство это убийство передадут. Всё-таки дипломата убили, не абы кого. Но и там ничего не раскопают. А если даже и раскопают что-нибудь? Например, что русский сидел на игле, купил у драгдилера дозу, а платить отказался, положившись на свой дипломатический иммунитет, вот и схлопотал по полной программе. К примеру. И что тогда? А ничего. В лучшем случае поставят в известность посла. А скорей всего, не поставят. А постараются забыть об этом как можно скорей.

Санта Мария, неужели ему придется торчать на этой жаре, пока не приедет русский консул?.. Если ещё его сразу найдут в воскресенье. Если он не смотался с парочкой путан на всё воскресенье куда-нибудь в Акапулько размять мослы на берегу океана. Будь оно всё неладно. Пабло сглотнул слюну.

– Не надо консула, – вдруг заговорил хриплым голосом задержанный русский.

– Извиняюсь? – переспросил комиссар.

– Я говорю, не надо консула, – заговорил русский на ужасающем испанском. – Я видел, кто стрелял. Я готов дать показания. Только не надо консула. Por favor.

Комиссар выронил на асфальт блокнот, который держал в руке, и полез в карман. Дон Пабло вытаращил глаза.

Святая Мария! Матерь Божья!

Мир рушится! Живой свидетель убийства готов говорить!..

– Я всё расскажу, – проглатывая слова, забормотал русский странным голосом. – Только не надо консула. И возьмите с меня подписку о невыезде!.. Пожалуйста!..

– Простите, сеньор, я, наверное, неправильно понял? – осторожно осведомился Посседа. – Вы действительно не хотите видеть вашего консула?

– Да! Нет! – нервно сказал русский.

Дальше он говорил захлёбываясь, перемежая понятные испанские слова непонятными русскими словами и ещё более непонятными междометиями.

– Не хочу, сука, не хочу я консула никакого! Забери меня куда-нибудь отсюда, куда-нибудь в участок, я тебе всё расскажу! И не только расскажу, я тебе портрет нарисую той бабы, которая стреляла! Доскональный портрет! Лучше любой фотографии! Я художник!

– Но так не полагается, сеньор, – вежливо сказал Посседа. – Вы обязаны потребовать присутствия кон...

– Мудак ты гребаный! – Курочкин перешёл на чистый русский. – Ты знаешь, козёл, что такое двенадцать месяцев зима, остальное лето? И одни эскимосы вокруг?..

– Que, сеньор?..

– Фуйкэ! – воскликнул старший лейтенант и заплакал.

Тут, деликатно кашлянув, вмешался дон Пабло:

– Ruego que me perdone⁸, сеньор комиссар, но, если я правильно понял, парень собирается нам нарисовать портрет убийцы?

– Пердон ты, оба вы пердоны, – простонал русский, топая от страха ногами. – Поедем, сволочи! У них же на тачке мотор форсированный!..

– Вот видите, значит, я прав, сеньор комиссар. Мне кажется, надо этим воспользоваться.

Узкая сизая физиономия комиссара стала приобретать осмысленное выражение. Он быстро сказал:

– Если вы, сеньор, не откажетесь проехать с нами в Управление Полиции... Без малейшего принуждения, что будет зафиксировано в протоколе... Прямо сейчас.

– Да si⁹ же, твою мать, тупая ты скотина! – сказал Курочкин, и плач его сразу прекратился, как тёплый майский дождичек в Москве. – Поехали скорей!

– Тогда я должен зачитать вам ваши права...

– Да какие у меня права! – закричал Курочкин. – Поехали скорей!

И они начали рассаживаться по машинам, причём предусмотрительный Посседа приказал исчезнуть с места преступления всем детективам, включая изнемогавшего от голода Пабло. Пока русские прочухают, куда увезли их сотрудника, пока прорвутся внутрь государственного учреждения, пока доберутся до высшего руководства – парень, пожалуй, успеет им кое-что рассказать.

Ровно через пять минут неподалеку от места происшествия взвизгнули тормоза тёмно-синего “мерседеса” с сине-бело-красным флажком на капоте. Выскочившие из машины резидент внешней разведки генерал-майор Петров и консул Гречанинов, расталкивая людей, бросились туда, где, раскинувшись на асфальте, загорал под тропическим солнцем нарисованный мелом мёртвый человек.

⁸ прошу прощения (исп.)

⁹ да (исп.)

Но они опоздали: никого из полицейских чинов уже не было на месте. Уехал и Пабло Каррера. Многолетний опыт, а вернее, особое шестое полицейское чувство, выработанное за долгие годы безупречной службы, подсказывало ему, что всё произошедшее может обернуться для него внезапной выгодой. Пусть он простой маньянский дядька с пистолетом, деньги ему – в силу обстоятельств – во как нужны!.. А если удастся добыть адрес этого русского художника, то эту информацию можно потом продать журналистам, которые, ну, конечно же, захотят побеседовать с живым свидетелем убийства, готовым говорить.

Ведь это такая редкость в стране Маньяне!

Глава 5. Батя

Тяжёлым шагом Бурлак поднялся по мраморным ступеням и вошёл в здание посольства. В просторном вестибюле толпилась кучка obsługi: какие-то повара, охрана, ответственные за теннисные корты... Что за непорядок, что за спектакль в ёпперном театре? А, к фуршету народ готовится. Па-анятное дело.

Сдвинув к переносице волосатые брови, Бурлак отвесил бездельникам строгий взгляд. Какая-то гнусоватая радость, что ли, свербила и корчила их умытые физиономии. Или это ему показалось с устатку? Да нет, не показалось. Что-то, кроме фуршета, бродит, бродит по хате, як призрак коммунизма по той Европе...

Когда он поравнялся с ними, то радость с холуйских морд они убрали и вежливо поздоровались с военным атташе. Глядя прямо перед собой и дыша исключительно носом, он буркнул в ответ нечто трудноразберимое, миновал халдейскую тусовку, свернул направо по коридору, затем свернул налево, затем опять направо, и там, где рос в полной раздавленных окурков дырявой кадке пыльный печальный фикус, остановился перед неприметной дверью без вывески с глазком посередине и маленькой кнопочкой звонка справа на косяке, нажал кнопочку и приготовился к долгому ожиданию.

Прав был Телешов-горевестник: не в полтора, не в два, а именно в три раза уменьшился личный состав маньянской резидентуры ГРУ по сравнению с тем, что имело место ещё каких-то лет десять тому назад. В результате всем оставшимся пришлось сделаться многостаночниками. Так, например, на дверях в данный момент стоял добывающий офицер капитан Машков.

Бронированная дверь открывалась только вручную. Кряхтя, Машков повернул кремальеру – с какой подводной лодки её свинтили ушлые ГРУшные снабженцы? – и дверь в бункер со скрипом отворилась.

– Усышься, покуда тебя дождёшься, – недовольно буркнул Бурлак и направился в “пакгауз” – так сотрудники называли между собой его кабинет кубической формы с голыми бетонными стенами толщиной в полметра. – Зайди!

Машков задвинул засов на место и прошёл вслед за Бурлаком в приёмную. Пятый шифровальщик Гришка, привставший перед Бурлаком, завидев Машкова, сел на место. Дверь в кабинет была распахнута настежь. В кабинете, освещённом лампами дневного света, было пусто. Могучее журчание из-за приоткрытой фанерной дверки персонального командирского галюна в углу кабинета показывало, что полковник не лукавил.

– Машков! – рявкнул Бурлак.

– Я, Владимир Николаевич! – бодро ответил Машков.

– Кроме тебя ходоки в трюме есть?

– Нет, Владимир Николаевич!

– А этот... Валерий Павлович приходил?

– Не приходил, Владимир Николаевич!

Бурлак, застёгивая штаны, вышел из сортира и приблизился к своему столу.

– Пора бы ему уже и быть, – пробормотал он. – Ладно. Слушай, Машков. Сходи наружу, покрутись в хате, выясни, что там за суетня-муетня у них происходит. Гришке скажи, пускай вместо тебя на двери посидит. Только быстро. Через десять минут доложишь. Валерий Павлович придёт – сразу чтобы ко мне!

– Есть, – сказал Машков одними губами и вышел из пакгауза, плотно затворив за собой дверь.

Бурлак остался один. Он погасил верхний свет и зажёл настольную лампу. Ему было над чем подумать. Вот-вот на пороге должен был появиться его заместитель, Валерий Пав-

лович Мещеряков. Бурлак настолько не любил этого человека, что про себя называл его не иначе как “сучонок”. Не потому что Мещеряков – молодой и наглый, ибо каким же ещё разведчику быть, а потому что – рукастый-волосастый, и стучит на своего командира, как юный пионер в жестяной барабан.

Сучонок ожидался с докладом об успешном завершении операции “Транзит номер такой-то” – двое нелегалов шли транзитом с севера через десятикилометровый тоннель под границей в страну Маньяну и через страну Маньяну – домой. Шли они чистые, всё, что наснимали или наворовали где-нибудь в Лос-Аламосе или в Силиконовой Долине (а может, по нынешним временам, и наоборот: не наворовали, а своё что-нибудь продали за живые баксы, кто знает...) – всё в укромном месте сдали кому следует, и добро это (или баксы) в контейнере дипломатической почты уже едет в Экспедицию Номер Три 9го Управления 2го Главного Управления Генштаба ВС РФ, а ребята под видом глухонемых драгдилеров или соскучившихся по родине чиканос быстро, но не спеша, линяют в южном направлении. Сучонок отвечал за прикрытие. Операция была простая и никаких сложностей не сулила. Хозяева туннеля дело своё знали туго и сроду не интересовались, что за людям за определенную сумму *in cash*¹⁰ необходимо свинтить втихую из *Estados Unidos*.

Бурлак достал из ящика стола бутылку армянского коньяка, налил четверть стакана, хлопбытнул, спрятал обе посуды обратно. Пока хватит, а то, приплюсовав выпитую с Михаилом Ивановичем водку, получится серьезно.

Нужно подумать над тем, о чём они говорили с Телешовым. И так, и этак подумать. Сомнений в отношении будущего своего у Бурлака и раньше не было никаких. Даже если он отсудит или каким другим путём отберет себе какую-нибудь собственность у этой суки – своей романтической супруги – всё равно она будет великосветская киношная блядь, а он – старый нищий никому не интересный старикан.

Если, конечно, он вернётся на родину.

Чудес на свете не бывает. Чудес не бывает, учили его ещё в “консерватории” – Академии ГРУ. Если случается какое-нибудь чудо – значит тебя, брат, сейчас ЦРУ будет брать за афедрон. Так что никаких чудес. Бывает многолетняя планомерная потогонная работа. А чудес – нет, не бывает. Многолетняя работа, пенсия и нищета.

Кое-что Бурлак, конечно, себе отложил. Но это были несерьёзные деньги: он же не складом заведовал, а разведкой, и не в ГСВГ¹¹, а чёрт-те где за океанищем, под боком у агрессора, можно сказать. Хотя оно, конечно, настали времена, когда уже и агрессор – не агрессор. Но всё же должность шпионского командира, когда вся структура насквозь простукивается, да ещё заместитель – последняя сука, к масштабному воровству не располагает.

И ещё вот что: Бурлак всё-таки был из старой когорты ГРУшников, которым откровенная распродажа ихней родины-уроины всё же до определённой степени претила. До определённой степени. А что касается *сверх* определённой степени – так никто Бурлака в Большое Дело покамест не приглашал.

А ведь, похоже, пригласят, подумал Бурлак. Неспроста старый друг его прощупывал под видом вербовки, неспроста. Пригласят. Пускай не на главную должность, пускай стрелочником – всё при деле. И жить буду здесь. Куда мне в Москву после субтропиков – я там в три дни соплями изойду...

Нету для полковника Бурлака места в этом не в меру обновленном государстве. Нету. Конечно, я “задравши штаны” ринусь в ихнюю банду. Никакого нету в этом сомнения. Знал старый хэrrrr Михалываныч, заслуженный зубр разведки, чем взять за афедрон маньянского резидента. Знал, на чём его свербовать со стопроцентной вероятностью. Как говорилось в

¹⁰ *наличными (англ.)*

¹¹ Группа Советских Войск в Германии – кто запомитовал

одной из немногих художественных книжек, прочитанных Бурлаком, “сделал ему предложение, от которого он не сможет отказаться”. Просто и изящно вербанул Бурлака под пузырь “Столичной” и розовые сопли. Профи.

Как в учебнике: *моделирование тупиковой ситуации плюс отождествление личности вербовщика с её разрешением способствуют формированию у вербуемого подсознательного стремления быть завербованным, что обеспечивает стопроцентный успех мероприятия.* В переводе на язык гражданских это означает следующее: сунь человека мордой в говно, потом скажи ему, что ты его друг, и он твой.

В дверь постучали. Вошёл капитан Машков, закрыл за собой дверь.

– Ну, чего там? – проворчал Бурлак, не поднимая головы и не зажигая верхний свет.

– У дядьков переполох, – сказал Машков и замолчал, вытянувшись по стойке смирно.

Молодец парень, подумал Бурлак. Тоже классный профи. Доложил и ждёт следующего вопроса. Сучонок бы на его месте как раскрыл вонючую пасть, так бы и болтал, пока всё не выложил бы. А этот – вышколен и сообразителен. Понимает, что начальству нужно докладывать по частям, постепенно, чтобы оно, начальство, могло не спеша всё как следовало переварить. Сучонку до него как до Солнца. Но мир несправедлив, и не Машков назначен приказом сверху заместителем командира резидентуры ГРУ в стране Маньяне, а сучонок. И – не успеет никто глазом моргнуть – дослужится, падла, до генерала, в отличие от Бурлака, которому широкий лампас ни на какой дембель не светит, что бы там старый друг Телешов ему не сулил.

Стало быть, у дядьков переполох. У дядьков – это у “ближних соседей”, у Конторы, то есть у гэбэшников, или, как они теперь называются, у СВР. Для Бурлака, впрочем, они как были гэбэшниками, так таковыми и остались.

Переполох, стало быть. То ли шпионскую сеть накрыли, то ли в Москве очередной гэбэшный путч провалился... Хотя какой там путч – если президент из ихних. Но что-то стряслось. И как знать теперь, не появится ли во главе соседей с завтрашнего дня новый Дядька Черномор – не Петров, а, скажем, Иванов. Или Сидоров. А Петров будет на Байконуре в братской республике Казахстан с револьвером в руке волков отгонять от главного инженера, который присел по большой нужде на просторах СНГ...

– Ну, и что там у них за шум, а драки нет? – скучным голосом спросил Бурлак.

– Как раз драка есть, Владимир Николаевич! – сказал Машков с некоторым всё же возбуждением. – Подстрелили одного у них!

– Да? – саркастически хмыкнул Бурлак. – Из чего? из ба'абана?.

– Насмерть! – капитану Машкову на начальственный юмор реагировать было покамест не по чину. – В городе!

– Кроме шуток? – Бурлак привстал из-за стола.

– Так точно!

– Что же ты молчишь, бляха муха?! Каждое слово из тебя щипцами приходится вытаскивать!.

– Виноват, Владимир Николаевич!

– Кого подстрелили?

– Сергомасова!

Бурлак посмотрел на Машкова с одобрением, благо его-то физиономии Машкову видно не было. Если бы из его ребят кого-нибудь, не дай Бог, подстрелили – хер бы соседи вообще чего узнали. А этот – даже фамилию выяснил. Профи!

– Ещё что узнал?

– Консул с Петровым туда поехали, – сказал Машков. – Это пока всё.

– Ладно, свободен.

Машков испарился.

Бурлак, постояв секунду в нерешительности, вышел вслед за ним и поднялся в рубку радиоконтроля.

Лейтенант Финогентов, сидевший в этот день на радиоконтроле, нисколько не удивился, когда грузная фигура Бурлака ввалилась в его каморку. Похоже, он Батю ждал. Не говоря ни слова, он протянул ему наушник.

– Где? – спросил Бурлак.

Финогентов шлёпнул ладонью по распластанной на стене карте маньянской столицы в районе Панчо Вилья.

Бурлак прижал наушник к уху и стал слушать полицейские переговоры. На его квадратной физиономии отобразился интерес. Пальцем он показал лейтенанту на блокнот с карандашом. Взяв блокнот в руку, он вдруг услышал нечто такое, отчего карандаш в пальцах его сломался, а блокнот в каком-то перекошенном виде упал на бетонный пол, и листы из него разлетелись в стороны.

– И я, как всегда, последним об этом узнаю!.. – пробормотал он и нахмурился.

Перепугавшийся лейтенант Финогентов поспешил протянуть ему новый блокнот. Бурлак, не глядя, нацарапал в нём загадочные слова: “АГАТА СЪЕЛО НЕГРО ОКТЯБРЬ”. Финогентов как бы ненароком заглянул в блокнот, прочитал написанное и вздрогнул. Он парился в трюме, не видя света белого, почти год, и не всегда адекватно воспринимал то, что вокруг него происходило. Имя Агата ничего не говорило лейтенанту, но что-то было пугающее в том, что она, вернее, оно съело какого-то негра. А главное – Батя реагировал на это так, будто съеденный негр приходился ему, по меньшей мере, племянником.

Наконец, Бурлак швырнул наушник бледному лейтенанту и сказал:

– Сиди и слушай. Если они бабу споймают, быстро ко мне с докладом. Если меня на месте нет – Гришке скажи, пускай он Машкова отрядит, чтобы меня нашёл. Понял?

Лейтенант кивнул. Когда за Батей закрылась стальная дверь, он сообразил, что никакая Агата никаких негров не ела, а слова эти означают на местном наречии “Чёрное небо”¹², и это есть название маньянской террористической организации, хорошо наследившей к югу и юго-западу от Маньяна-сити, а также в соседних державах. Он неоднократно слышал это название по радио в местных новостях, потому что вот уже лет пять, как вся Южная Америка под мудрым руководством своего северного соседа с ног сбилась в поисках этой “Съелы Негры”, будь она неладна. Лейтенант четыре раза дёрнул щекой, достал языком до переносицы и стал слушать радиопереговоры, меланхолично перебирая шустрыми пальцами свои невоображаемые гениталии, время от времени поднося то один, то другой палец к носу и с наслаждением втягивая в ноздри тяжёлый запах.

Бурлак быстрым шагом вошёл в приёмную. На кожаном диванчике его дожидался сучонок. Как истинный сучонок, сучонок не помчался за ним в радиоконтроль, а развалился тут. Бурлак махнул в его сторону рукой:

– Посиди здесь, пока я не освобожусь.

Входя в свой кабинет, он с чувством глубокого удовлетворения заметил, как морда у сучонка обиженно вытянулась и змеиная улыбка на ней сменилась скорпионьей. Побесись, падла, подумал Бурлак и закрыл за собой дубовую дверь.

Как всякий, кто всю жизнь пляшет на лезвии бритвы, Бурлак очень с большим уважением относился к своим предчувствиям, числа их не по мистическому ведомству, а вовсе даже в ряду рациональных, хоть и труднообъяснимых вещей. Теперь его шестое, седьмое и восьмое чувства, объединившись, хором кричали ему, что есть во всём этом загадочном деле нечто весьма для него полезное, есть. Что неспроста гэбэшники взялись следить за

¹² *Cielo Negro* (исп.)

латиноамериканскими террористами, известными всему цивилизованному миру Агатой и Октябрем. Какое-то зерно во всём этом, кое-что небезынтересное для военной разведки и лично для полковника Бурлака притаилось, притаилось в глубине, на самом дне, ядрёна мать, колодца. И зерно это нужно было разгрызть во что бы то ни стало.

Держава, которой Владимир Николаевич верой и правдой служил в начале своей военной карьеры, пребывала с террористами всего мира в весьма любопытных отношениях. Собственно, и терроризма-то тогда никакого не было. Национально-освободительная борьба – да, имела место на задворках цивилизации. Но терроризмом и не пахло.

И этой национально-освободительной борьбе ведомство Бурлака если не помогало, то уж точно не препятствовало. Он сам – по молодости лет – не один чемоданчик с новенькими долларами вручил ребятам, с которыми бы побоялся ехать в одном трамвае, едва взглянув на их физиономии. На банковских упаковках, конечно, не было написано, что предназначены данные конкретные баксы для закупки того или иного конкретного вида вооружений, но грош цена была бы ему как добывающему офицеру разведки, кабы он затруднился выстроить соответствующую логическую цепочку.

Когда закончилась та держава, закончилась и национально-освободительная борьба. Вот тут-то и запахло терроризмом. Новая держава, пришедшая на смену предыдущей, данный вид человеческой деятельности не одобряла. А после 11 сентября и вовсе включилась во всемирную войну против этой напасти. Военная разведка в этой войне, слава богу, пока не участвовала. Но повсюду участвовали дядьки, поэтому ничего удивительного не было в том, что название самой известной террористической группы в стране Маньяне трепали сейчас в связи с убийством российского разведчика. Удивительного – ничего, но любопытного – выше крыши.

Заперев кабинет, Бурлак включил телевизор, без дела пылившийся в углу пакгауза. Телевизор принимал двести пятьдесят восемь программ Южной, Центральной и Северной Америк, плюс ещё сто сорок две с разных спутников, в том числе ОРТ, РТР-Планету и самую тошнотворную из них – «Рашу Тудэй».

Владимир Николаевич пробежался по местным телеканалам. Информацию по убийству русского дипломата давали два из четырёх. Текст шёл на фоне мастерски исполненного в карандаше портрета подозреваемой. Сперва был только анфас, потом появился и профиль. От двадцати до тридцати лет, брюнетка, метр семьдесят ростом, черты лица правильные, особых примет нема. Бурлак, чувствуя странное волнение, внимательно вглядывался в портрет. Ни одной маньянской черты, кроме того, что брюнетка. Никаких этих широко расставленных лупоглазостей, которые полковник, при всей своей любви к стране Маньяне, тихо ненавидел. Немножко капризная нижняя губа. Наверное, грызёт ногти, когда никто не видит. Нос с лёгким уклоном в курносость. Немножко детское выражение лица. В целом, ничего телка. На край света за такими не идут, но слюну пускают. Волосы длинные, чёрные, собранные в два хвоста. Одета в джинсы и белую блузку. Как ровно половина городских женщин в стране Маньяне. Вооружена, опасна при задержании.

Имя «Агата» по TV пока не звучало. Просто «подозреваемая».

Вслед за портретом красоты на экран вылезла гнусная рожа её партнёра-соратника-подельника-пододеяльника-компаньера. Октябрь Гальвес Морене. Разыскивается всеми полициями мира и всеми спецподразделениями по борьбе с терроризмом. Один из лучших на планете Земля специалистов по превращению живых людей в дырявые мешки с фаршем, ливером и костями. Нет страны, где бы не наследил кровавый ублюдок. Вооружён и крайне опасен. Крайне.

Владимир Николаевич, взволновавшись, сам пока не понимая отчего, крикнул Гришку, велел сварганить чаю с бутербродами и через полчаса подавать смокинг, сам сел за стол и смотрел в экран не отрываясь. Про сучонка он забыл напрочь.

Фотография Октября в полиции имелась только очень старая, времен его обучения в “Лумумбарии”¹³, Советский Союз, то есть тридцатипятилетней давности. Но её оказалось достаточно, чтобы свидетель, чьё имя в интересах следствия не раскрывается, сказал, что это вполне мог быть тот самый мужчина, за которым, якобы, следил убитый. А убитый-то – майор Сергомасов. Это что же получается? СВР на территории Маньяны занимается слежкой за террористами? Село на хвост этому самому Октябрю Гальвесу как его?..

Интересное кино.

И это кино показывают на весь мир по всем телеканалам. Хорошо хоть молчат про то, что убили не просто какого-то туриста, а дипломата.

Итак, Октябрь Гальвес Морене. Начинал у “мачетерос” пока их всех не передушили. Из Пуэрто-Рико депортирован, после чего направлен партией на учёбу в Москву. Из Москвы отправился напрямик в Ливан. Прошёл боевую подготовку в долине Бекаа, потом работал с Абу Нидалем. Сильно наследил в Европе. Прятался в Ливии под крылом Каддафи от палестинцев из ООП, которые приговорили его к смертной казни – за компанию с Нидалем. Личный друг Гусмана, Каддафи, Карлоса, а Нидалу даже как будто и любовник. Впрочем, насчёт последнего, может, и врут злые языки. В девяностых вернулся в Америку, организовал группу “Съело Негро” – “Чёрное Небо”. И так далее и тому подобное. Но хрен бы с ним. Бурлак помотал головой. Девку верните, гады!

Как бы послушавшись его, ублюдка с экрана убрали и вернули Бурлаку портрет красоти. Бурлак засопел.

Так, появилось имя. У полиции есть предположение, тараторили с экрана, что этой женщиной может быть Агата, террористка, конечно, менее известная, чем её любовник-подельник Октябрь, но тоже мировая знаменитость. Покушение на посла США в Венесуэле. Взрыв генконсульства США в Аргентине. Взрыв Еврейского культурного центра в Перу. Стрельба в Плаза Мехико, в присутствии двадцати тысяч зрителей, в председателя сенатской комиссии США по расследованию чего-то там. Бурлак помнил этот случай. Это было ещё до 11 сентября. Она промахнулась тогда, прострелила колено какой-то посторонней бабе.

Если послужной список этой кровопускательницы уступает послужному списку её подельника, то вовсе не от недостаточного рвения. Просто молодая ещё. Сколько ей, скажи? От двадцати до тридцати? Ну, ничего – она ещё настреляет, навзрывает, наделает котлеток из жидков и грингос. Если хвост вовремя не прижмут. А могут теперь и прижать. Реально могут.

Пятый шифровальщик принёс чай и бутерброды. В полуоткрытой двери мелькнуло недоумённое лицо сучонка, но Бурлак его даже не заметил.

Кто же нашелся такой храбрый, что показания им дал свидетельские, подумал Бурлак и тут же догадался, кто. Да кто-то из дядьков и дал, осенило его. Ха! Всё мгновенно стало ясно Бурлаку. Какой-нибудь зелёный парень, поставили первому номеру спину прикрывать, он, естественно, просрал, потому как имел дело с профессионалами экстра-класса, да растерялся, вовремя не свинтил, полиция взяла за афедрон, домой не хочется (тоже жена, наверное, потаскуха и денег нет), вот и вызвался в свидетели, резонно рассудив, что террористку маньянская полиция всё равно никогда не задержит, а подписка о невыезде по маньянским законам должна быть продлена до поимки преступника и суда, стало быть... стало быть.

Бурлак утробно захохотал. Небось, уже и адвоката парень нанял! Небось, Петров Э.А. уже все локти себе насквозь прогрыз!.. В старое время уже загонял бы в ствол единственный патрон...

¹³ Институт Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы – знаменитого африканского человека и парохода.

И всё же, всё же... Бурлак достал из шкафа чистую видеокассету и крикнул Гришку. Сам он управляться с видеомagneтофоном, в котором кнопок было больше, чем Бурлак в армии лет прослужил, – так и не научился. DVD-рекордер и вовсе вгонял его в тоску.

Гришка включил магнитофон на запись. Бурлак, не отрывая глаз от телеэкрана, сказал:

– Принеси-ка мне список вновь прибывших сотрудников посольства за последний месяц, нет, за два, потом сходи в архив и посмотри, что там у нас есть по тергруппе “Съело Негро”. Запиши. “О” на конце, долболобина! Так. И – отдельно: Агата и Октябрь. Это ихние как бы подпольные клочки. Как Троцкий и Сталин. Давай, действуй, да побыстрей.

– А смокинг, Владимир Николаевич... – робко сказал Гришка.

– К бобиной матери смокинг! Делай, что сказал!

– А... там Валерий Павлович в приёмной...

– Так что ж теперь?!. – взревел Бурлак, напугав Гришку до полусмерти. – Я должен всё бросить и танцевать тут танец маленьких лебедей, если этот, блядь, Валерий Павлович у меня в приёмной?!

Бедный Гришка заметно сбледнул с лица. Бурлак понял, что взял чересчур круто: пятый шифровальщик ни в чём не виноват, да и не след задаром обижать преданного человечка.

– Пускай покамест в баню сходит, – сказал Бурлак, сбавив тон. – У него сегодня был трудный день. А я освобожусь – приму его.

– Так баня сегодня... не того... – шёпотом сказал Гришка.

И он тут же пожалел о том, что напомнил командиру о ситуации с баней, каковую ситуацию Батя воспринимал как очередное прямое оскорбление себя и Российской Армии в своём лице. В былые годы сауна под “танцклассом” работала в постоянном режиме, а воду в бассейне меняли каждый день. За исключением каких-нибудь особо срочных случаев, ходоки, возвращаясь с операции, сперва шли в баню и пред начальственные очи представляли чистыми, отдохнувшими, с ясностью в мыслях и во взоре. Теперь же, после длинной склоки с послом из-за счетов на воду и электричество, парилку включали дай бог раз в неделю, а про бассейн и вовсе говорить не приходится: не бассейн это стал, а чёрт-те что, миква какая-то, если что не хуже.

Какая страна – такие и бассейны в резидентурах её разведок.

– Иди к Валерию Павловичу и пошли его на ...! – сказал Бурлак.

– От вашего имени?.. – уточнил повеселевший Гришка.

– Да. Именем резидента.

– Есть! – радостно воскликнул Григорий и скрылся за дубовой дверью.

Кто же ты, девонька, задумался Бурлак, глядя на телеэкран. Женщина смотрела с экрана, как живая. Редкая фотография сможет передать такое сходство.

Тренированная память Бурлака работала, как хороший компьютер, выуживая из тёмных глубин сотни и тысячи виденных им за годы службы лиц, идентифицируя их с изображённым на портрете и последовательно отбрасывая в сторону. Видел, видел он это лицо, точно видел. И не мельком в толпе – нет. Он когда-то не так давно довольно долго в это лицо глядел. Минуты полторы, услужливо подсказала память, на мгновение отвлекшись от бешеной точки. И такое ощущение, что видел он это лицо не на живом человеке, а...

На фотографии, подсказала память.

Носитель этого лица был у Бурлака в оперативной разработке!

КТО ЖЕ ТЫ?

Теперь уже Бурлак не сомневался, что вот-вот ответит на этот свой самому себе поставленный вопрос. Разгадка была где-то совсем рядом. Когда же и зачем смотрел Бурлак в эти чёрные невинные виноградины? Терроризмом он никогда специально не занимался. Не ГРУшное это дело. Да и, как только что сказали по TV, полиция впервые имеет в своём распоряжении изображение грозной беспощадной Агаты, перед которой трепещет весь цивили-

лизованный мир. Было несколько неудачных попыток составить фотороботы со слов каких-то захваченных в Ираке партизан, вроде бы видевших её в ливийском лагере, а вроде бы и не видевших, а если и видевших, то вроде бы её, а вроде бы не её. В архивах Шин-Бета¹⁴ имелась фотография, сделанная на Бобуре¹⁵. Но снято было издали, вскользь и при неправильном освещении. И тоже не было однозначно установлено, что это именно Агата на снимке.

А вот это интересная информация! Рисунок передали по спутниковой связи в Лэнгли, в информационный центр, и через две минуты двадцать секунд с берегов Потомака пришёл квалифицированный ответ: да, это она. Взять немедленно. Живой или мёртвой. Поскольку покушалась, сука такая, на жизненные интересы маньянского “старшего брата” по всему миру. Мамзель не жаловала грингос.

А почему такая уверенность, если ни у кого нет её изображения? Да ни почему. Нету никакой уверенности, на самом-то деле. Главное – арестовать. Агата там, не Агата. Не Агата, так Марта. Не Марта, так Зульфия. Война с терроризмом – это вам не сопли жевать.

Что самое интересное, это наверняка Агата и есть, подумал Бурлак. Афедроном чую. Слишком много всего накручено. Слишком много всего для ложной тревоги. Так что радуйся, майор Сергомасов, с того света, если у тебя это получится! Коли был у тебя геро-стратов комплекс, то он сегодня вполне удовлетворен. Ты убит самой знаменитой на сегодняшний день бабой из тех, что когда-либо брала в руки оружие, от Шарлотты Корде до Фанни Каплан. Бурлак весело хмыкнул. Ли Харви Освальд, чтобы прославиться на весь мир, выцеливал президента Кеннеди, сам потом в тюрьме нарвался на пулю. Этот придурок-наркоман в Нью-Йорке – как бишь его? – Марк Чепмэн шлепнул Леннона, схлопотал трендолой, до сих пор зону топчет. А майору Сергомасову ничего не понадобилось делать. Всемирная слава за ним сама пришла в виде дуры-девки с дурой-пушкой в руке и жаждой крови в чёрных виноградинах.

Только не поймают они её ни за что. Как ни хорош портрет – не поймают. Если бы она уже была у них, то можно было бы повесить портрет рядом с ней, посмотреть и сказать, что это – да, она на картинке нарисована. Но так вот дать портрет каждому полицейскому остолопу в лапы и сказать, лови эту прошмандовочку... – нет, ничего у них не выйдет. Её, небось, не крестиком вышивать учили в ливийских лагерях. Во-первых, она первым делом внешность свою изменила в ближайшем сортире. Чёрные виноградины, которые ни с какими другими в целом мире не спутать, прикрыла очками солнцезащитными. Во-вторых, они с мужиком разбежались в разные стороны. Да даже если не разбежались – даже если она будет вдвоём с этим мерзким Октябрем гулять по городу, ничего у властей не выйдет. Тот со времён Лумумбария уже восемь раз, наверное, свой портрет поменял.

В-третьих, в ещё одном сортире она ещё раз внешность изменила. В четвёртых...

Смотри, смотри – министр безопасности выступает с заявлением. Небось, вынули парня из-за воскресного стола, пальцы жирные после индейки не дали толком облизать. И что же скажет нам министр безопасности с необлизанными пальцами? Что имеющиеся у спецслужб и полиции данные позволяют с полной уверенностью считать, что в убийстве русского дипломата повинна террористка Агата. И – во всеманьянский розыск её, стервозу!

Промеждународный скандал, япппонский городской!

И тут Бурлак вздрогнул и замер. Он почувствовал, что сейчас вспомнит. Как слишком пьяный человек чувствует, что сию секунду сблюет.

На экране всё ещё бубнил министр безопасности.

Министр безопасности?

Он вспомнил.

¹⁴ израильская служба безопасности

¹⁵ улица в Париже

Нет, этого быть не может!

Всякое может быть, но этого быть – не может.

Мир, конечно, тесен, но не настолько же!..

Бурлак тяжело откинулся на спинку стула. Надо будет тщательно проверить это сходство, но...

Но память его никогда ещё не подводила.

Ох, ядрёна мать!..

Он её узнал.

Глава 6. Курица не птица

Из туалета на Пласа Нуэва вышла, сутулясь, полноватая пепельная блондинка и, слегка подволакивая правую ногу, двинула наискосок через площадь. Глаза её были защищены от палящего солнца широкими тёмными очками в безвкусной оправе. На плече болталась маленькая кожаная кошёлка, такая маленькая, что в ней не то что револьвер – пудреница бы поместилась не всякая. В трёх кварталах от площади, в тени густых мансанит, возле макового газона, красной каймой окружившего respectable дом жёлтого кирпича, был припаркован её красный “феррари”. Несколько праздношатающихся по площади мужчин проводили её равнодушными взглядами и отвернулись. Не отвернулся один из них – высокий молодой человек с ладной фигурой, только что вышедший из стеклянных дверей отеля, который лениво озирался вокруг, как бы выбирая, в какую сторону податься в этот неподвижный час сиесты. Он скользнул по ней взглядом и тут же принялся тыкать пальцем в кнопки своего телефона.

Её будто что-то кольнуло изнутри: про её душу! Она сразу отвернулась, поэтому не успела рассмотреть его лицо. Сердце заколотилось что было сил. От неё до дверей отеля было метров не больше полусотни. Она, на всякий случай, слегка приподняла правое плечо, а левое опустила, и так поковыляла дальше, шумно шаркая ногами, в сторону ближайшего угла, за которым можно было бы остановиться и провериться, а заодно и перевести дух. Спина её одеревенела. Из всех сил она старалась не показать парню, уставившемуся на неё, что чувствует его взгляд. И что это её беспокоит.

Может, он и не полицейский. Может, просто уличный ловелас, любитель послеобеденных пепельных блондинок с небольшими физическими недостатками. Его неотрывный взгляд сверлил ей спину. Чёртов извращенец!

Если даже ты любитель блондинок, взмолилась она, то не надо меня догонять, пожалуйста! Потом, в другой раз, только не сегодня, ладно? Потому что я всё равно тебе не поверю сегодня, что ты имеешь в виду только простой перепихон. Мне показалось, что ты симпатичный парень. Будет жалко тебя застрелить, если ты на самом деле ничего дурного не собираешься со мною сделать. Ну пожалуйста, окажись не полицейским.

Хватит, хватит с меня на сегодня стрельбы. Одного мёртвого вполне достаточно. Два в один день – это уже грех. Даже во имя Революции.

Матушка всегда ей говорила: счастлив не тот, кто имеет сколько желает, а тот, кто желает сколько имеет.

Вот и спасительный угол. Она свернула, выровняла плечи и перевела дух. Церковь стояла почти сразу за углом. Агата вошла в затянутае полумраке пространство, где жил загадочный Бог, которого мало интересовали земные дела.

Осенив себя, для виду, крестным знамением, она не пошла внутрь к алтарю, а осталась стоять невдалеке от входа, немного сбоку, чтобы увидеть преследователя, если тот все-таки появится. И если он появится, то...

В церкви было пусто. “Agent” калибра.22 с двухдюймовым стволом отдыхал у Агаты в мягкой велюровой кобуре над щиколоткой левой ноги. В кабинке первого туалета, из которого она вышла шатенкой восточных кровей, у неё не было времени возиться с оружием: она только спрятала револьвер с дымившимся стволом в кобуру и быстро-быстро перекрасила глаза. Зато во втором туалете, превратившем её в пепельную блондинку, она вытряхнула в унитаз из барабана две пустые гильзы и вставила вместо них новые патроны. Одним из правил было всегда иметь в револьвере полный барабан патронов. В лагере их специально учили автоматически, без участия мыслительного аппарата, отсчитывать пять выстрелов. Их много что учили делать без участия мыслительного аппарата.

Но самое главное – всегда отсчитывать пять выстрелов. В хорошей заварухе некогда вспоминать, сколько раз ты стрелял и на сколько раз там ещё осталось. А шестой патрон – он всегда хозяйский.

Прошло десять минут. Пульс вернулся в норму. Агата всё ещё не позволяла себе расслабиться, но уже поняла своим седьмым конспираторским чувством, что на сей раз всё обошлось, и это её сильно порадовало. Умей она молиться, она непременно помолилась бы сейчас, чтобы этот парень её не преследовал и чтобы ей больше не понадобилось сегодня никого убивать.

Но удалось обойтись без молитв: ещё через десять минут так никто и не появился из-за угла. Агата осторожно вышла из церкви и зашагала по переулку в ту сторону, где ждал её автомобиль.

Она шла, и мыслями то и дело возвращалась к тому парню, что выходил из отеля. Кто он? Почему так странно и неотрывно смотрел на неё? У него волосы были, кажется, тёмного цвета, но не чёрного.

Тьфу, наваждение! Какое ей дело до того, какие у шпики волосы? А какие волосы были у того шпики, которого она подстрелила три часа назад? Почему ей до тех волос нет никакого дела, а до этих – есть?..

Хотя, если бы он за ней пошёл в переулок, где она пряталась в церкви, она бы его подстрелила точно так же, как и первого, и он теперь был бы точно таким же куском мёртвого мужского мяса, как и первый. В этом нет никакого сомнения. Пусть кое-кто двадцать второй калибр всерьёз не воспринимает, но в умелых руках это вполне достаточный калибр. Два выстрела в сердце – и всё, будь ты хоть сам Панчо Вилья.

И этот парень с назойливым взглядом, даже если он – просто любитель пепельных блондинок, всё равно получил бы своё. За любовь ведь надо платить, si?

Матушка ей всегда говорила: любовь – это ответственность за того, кого любишь.

Став взрослой, она поняла: ответственность за любимого – это готовность платить по его счетам.

Нет, это – счастье, которое испытываешь, неся ответственность за любимого человека, вот что такое любовь! Она сегодня счастлива, ведь она убила ради любимого человека, она закрыла его собой, своим мастерством, она натянула нос чёртовым грингос!..

А он – её любимый – как он теперь будет благодарен ей, как похвалит её и прижмёт к сердцу, ожесточенному борьбой за всемирную справедливость! О, сколь любезны ласки его!..

Он ведь всё не воспринимает её всерьёз. И это не оттого, что ей только двадцать два года. Это оттого, что он сильно любит её и беспокоится о ней, вот и не воспринимает. Ведь он иногда бывает таким нежным с ней.

Она на секунду закрыла глаза. Например, как это было когда она стажировалась после лагеря в Венесуэле...

Посла они в тот раз не достали, но Октябрю удалось подстрелить двух бешеных псов – морских пехотинцев из охраны посольства, а Агата тогда растерялась – сейчас даже смешно об этом вспоминать – и ни в кого не попала, но Октябрита нисколько на неё за это не рассердился, а даже наоборот...

Или – ещё лучше – месяца два с половиной тому назад...

Хоть в тот раз и приходилось быть настороже, не снимать кобуры с оружием, потому что дело происходило в горах Сьерра-Мадре, у подножия красавца Чоррераса, в их убежище номер восемнадцать, и ложе у них было – зелень. За ними охотились приспешники бешеных псов-грингос, потому что они с Октябрём взорвали перед этим какой-то пёсий дом, а потом уходили по отдельности, и она отдала Октябрю все деньги, оставшейся мелочи ей едва хватило, чтобы добраться автобусом до Чильпансинго, там она позвонила из автомата папочке,

и он приехал за ней на своём “Альфа-romeo”, а в пещере они с Октябрем занимались любовью, и всё пришлось делать быстро, три раза помогать любимому...

Для себя она тогда, конечно, ни черта не получила, но настоящей революционерке, настоящей комсомолке – разве так уж необходим вульгарный оргазм?

Разве у неё нет других, более высоких целей?..

Оргазм – удел домохозяек.

Тем более, что виноградника своего она для любимого в своё время не сберегла.

В конце концов, боевого компаньера нужно любить как боевого компаньера. Если она будет высказывать слишком много чувственных желаний, её любимый боевой компаньер может подумать, что ей хочется превратиться в румяную толстую курицеголовую домохозяйку, и не позволит ей дальше участвовать в Революции. Он и без того нет-нет, да и скажет, глядя на неё полными любви и нежности прекрасными глазами цвета чилийского янтаря, скажет, что она ещё молода для того, чтобы действовать на самых опасных ролях, что она с чрезмерной пылкостью относится к...

Вот и “феррари”.

Агата села в машину, полезла в сумочку за ключами. Теперь – мигом в университет, и как-нибудь себя там проявить. Хоть подраться с кем-нибудь, неважно, главное, чтобы запомнили: сегодня я, Габриэла Ореза, целый день была в университете и всем там намозолила глаза...

В Маньянском национальном университете, к счастью, не было принято сдавать экзамены по всему курсу обучения: вытягивать билет, трясаясь от страха, что попадётся вопрос, изучить который руки не дошли в бессонное время перед сессией. Маньянская система образования была куда более гуманна к своим студентам: экзамен проходил в форме собеседования на тему заранее написанного и сданного преподавателю реферата.

Профессор Морелос – к счастью для Агаты и к несчастью для себя – оказался на месте. В большом помещении кафедры находились ещё человек десять: кто сидел за столом и пялился в монитор, кто писал, опять же пялясь в монитор, кто беседовал со студентами. Да и в коридоре шлялись без дела человек сто. Взглянув на девушку поверх очков, профессор взял со стола её курсовую работу на тему «Влияние мифологических воззрений ацтеков на эсхатологические построения сапотеков».

– Ну-с, – начал он. – Я внимательно прочитал ваш труд. По сути работы у меня к вам претензий нет... Но в некоторых местах вы допускаете отдельные неточности. Вот вы пишете, например, что сапотекский бог бедности и неудач Питао-сих ехал по пустыне на тележке, запряжённой ослом ...

– И что? – спросила Агата, пытаясь сосредоточиться на беседе, и одновременно обдумывая, как бы погромче «засветиться», чтоб её присутствие заметили многие.

– Видите ли, до прихода на земли индейцев конкисты здешнее население не знало колеса...

– Индейцы? – повысила голос Агата. – Не знали колеса?

– Да, население ходило пешком... Грузы транспортировались волоком...

– Что-то вы, профессор, путаете! – сказала Агата.

Профессор Моралес, человек совсем не старый, усмехнулся такой непосредственности и достал с полки над своим столом толстую книгу.

– Вот, почитайте-ка на досуге. Роберт Кейли, Принстонский университет. Здесь история проникновения на Западный континент колеса и прочих изобретений изложена весьма подробно.

– Но ведь он сам из числа тех, кто «проник» на Западный континент. Что он может знать?

– Позвольте! – голос профессора дрогнул. – Как это «что может знать»?! Это же признанный во всём мире авторитет... Из Принстона...

– Да он просто тупой! – воскликнула Агата. Из-за столов на шум повернулись любопытные головы. – Он даже не видит разницы между индейцем и богом! Если индеец ходил пешком, а бог Питао-сих ездил на тележке, то, значит, наши предки не знали колеса? Это же бред, профессор! И ясно, почему: какой темы ни коснись, везде сплошные грингос! – она набрала полную грудь воздуха и крикнула так, чтобы её услышали в коридоре: – При чём тут какой-то Принстон?! Мы сами, что, уже и о своей истории судить не можем?!

Начался общий крик и шум...

Агата была довольна собой: скандалчик удался. Главное, что и профессор Моралес как будто не очень обиделся. Ему тоже было больно за поруганное отечество. Сотрудники кафедры и прибежавшие из коридора студенты в конце концов решили, что у дочери экс-советника президента не то нервное переутомление, не то тепловой удар: уложили её на кожаный диванчик и принесли холодной кока-колы. А может, просто перезанималась. С кем не бывает!

Так или иначе, довольно быстро она пришла в себя, бесовскую кока-колу пить не стала, села в «феррари» и поехала в сторону Пласа Нуэва. Там она припарковалась на том же месте, где стояла до этого и приготовилась к ожиданию. Но ждать пришлось недолго.

– Эгей! – раздался сзади негромкий возглас.

Девушка оглянулась, и глаза её засветились: по тротуару не спеша приближался к ней её любимый, живой и невредимый (её, её стараниями!) Октябрь Гальвес Морене. Октябрь улыбался, ласковые морщинки вокруг глаз, как пенка на голубином молоке, и уютное брюшко, как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами, придавали ему такой мирный и беспечный вид. Но Агата знала, что это не так: её любимого врасплох не застать. У её любимого сильные грубовато-нежные руки и самые умные и осторожные на свете мозги. Что яблонь между лесными деревьями, то возлюбленный её между юношами.

– Hola, pajarita¹⁶, – добродушно сказал Октябрь, нагнувшись к открытому окошку. – Как дела?..

– Hola, querido! Bien, gracias¹⁷.

Только он, её любимый, всегда умеет подобрать такие ласковые и такие своевременные, нужные такие слова! Возлюбленный её бел и румян, лучше десяти тысяч других, и уста его – сладость.

Она распахнула правую дверцу ему навстречу.

– Я беспокоилась за тебя, любимый. Как ты?

– Всё в порядке, девочка.

Плюхнувшись на пассажирское сиденье, Октябрь пристегнулся ремнём безопасности и с нарочитой ленцой оглянулся по сторонам. Убедившись в том, что никто на них не пялится, он, продолжая улыбаться, размахнулся и смачно съездил Агате по физиономии.

Голова её дёрнулась, во рту стало солоно. Потрясенная, она молчала, боясь расплакаться.

– Заводи, поехали, – приказал Октябрь и отвернулся.

Агата послушно повернула ключ в замке зажигания и рывком подала вперед рычаг переключения скоростей. Машина резко прыгнула вперед и покатила по безлюдной улице.

¹⁶ Привет, птичка (исп.)

¹⁷ Здравствуй, любимый. Спасибо, идут себе. (исп.)

– Ты что, корова, водить разучилась? – злобно спросил Октябрь. – По-моему, достаточно того, что у тебя нет мозгов. Если ты ещё и водить автомобиль не умеешь, то зачем ты мне вообще тогда нужна?

– За что ты меня так, любимый? – жалобно спросила девушка.

– За то, что надо быть или полной дурой, или проклятым предателем, чтобы в двух шагах от меня, ожидающего встречи с крайне важным и нужным нашему делу человеком, устроить стрельбу среди бела дня, в центре города!.. Скажи спасибо, что ты легко отделалась. Тебе за это надо не по морде съездить один раз, а избить до полусмерти, а потом разобрать твоё поведение на партийном собрании и вынести приговор, сама знаешь, какой. Впрочем, кто сказал, что ты уже отделалась?..

– Но, Октябрито...

– Что?! Что “Октябрито”?!. Наверное, уже вся полиция города гоняется теперь за нами с нашими портретами в руках!..

Агата в ужасе оглянулась по сторонам, ожидая увидеть вокруг машины толпу полицейских с фанерными портретами в руках, как на предвыборном митинге в поддержку правящей партии в Лиме, где они с Октябрем в прошлом году отличились тем, что припарковали посреди толпы “пикап” с тремя чемоданами взрывчатки.

– Как это? – спросила она. – Нас что, сфотографировали там, в парке аттракционов?..

– Ну, знаешь, ты и впрямь без мозгов, женщина! Там тысячу человек видели, как ты стреляла, так что у полиции наверняка есть теперь твой фоторобот.

– Ну, Октябрито, любимый, этого совсем не нужно бояться. Я много раз стреляла в проклятых грингос, но никогда ещё на меня не делали за это фоторобот!..

– Ты уверена, что это был гринго?

Агата на минуту задумалась, потом сказала:

– Даже если это был не гринго, то это наверняка был правительственный чиновник, а их жалеть тоже не нужно, потому что всё правительство давно снюхалось с проклятыми грингос.

– Молись, женщина, молись, чтобы на этот раз не нашлось храбреца или жадной сволочи, который бы тебя описал полиции!..

– Не найдётся, Октябрито. Народ на нашей стороне. Никто не будет жалеть бешеного пса. Ах, как жалко, любимый, что не оказалось под рукой аэрозольного баллончика, чтобы написать на ближайшем заборе...

– Ты можешь помолчать, проклятая сука?

Набухшие поначалу, а потом подсохшие было виноградины опять наполнились слезами. Хорошо, что Октябрь не смотрел в её сторону.

– Включи-ка радио, женщина! – приказал Октябрь, мучимый нехорошим предчувствием.

Минут пять они молча слушали радио. Агата кусала губы, стараясь не встречаться взглядом с любовником.

– Проклятого гринго, говоришь? – спросил Октябрь.

– Он выглядел, как типичный северянин... – еле слышно пробормотала девушка. – И одет, как иностранец.

– А как же он ещё должен выглядеть, если он guiso? – резонно сказал Октябрь и замолчал.

Он меня зарежет, подумала Агата. И правильно сделает. Если не зарежет – я сама зарежусь. И очень даже запросто. Сегодня же ночью.

– Ладно. Останови здесь. Ты поедешь в Акапулько одна!

– А ты, Октябрито?.. Останешься здесь?..

– А я поеду на такси, дура! Дай денег.

– Но, querido, на такси ехать небезопасно, это вопреки...

– Дьявол!!! – расхохотался Октябрь. – Яйца учат курицу! Давай деньги и заткнись.

– Вот, возьми. Правда, у меня мало осталось. Доехать до дому тебе не хватит.

– Кто собирается ехать на такси до дому, идиотка? Я доеду до Куэрнаваке, там ты меня подберёшь. Я буду ждать тебя в мерендеро¹⁸ на бензоколонке у въезда в город. Покрутись здесь двадцать минут, потом езжай к месту встречи.

Октябрь вышел из машины, прошёл пять метров по тротуару, а потом вдруг мастерски исчез. Вот уж воистину – отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушёл.

Проводив его взглядом, Агата приникла к зеркалу заднего вида. Нет ли пятна на ней – следа от пощечины?

Не смотрите на меня, что я смугла – солнце, ливийское солнце опалило меня; нежная, как шкурка у melocotones¹⁹, кожа лица лишь немного покраснела, самую малость. Если опустить окно и поехать с ветерком – свежий горячий воздух обдует, промассирует кожу и на подъезде к Куэрнаваке от красноты не останется и следа.

Внезапно она поймала себя на странном чувстве: несмотря на приказ, ей почему-то не хотелось ехать в Куэрнаваке и забирать там любимого в закусочной на бензоколонке.

Как же так?

Она приблизила лицо вплотную к зеркалу. Это нарушение дисциплины, сказала она своему отражению. Это... это маленький мачетито в спину революции.

Компаньеро Че говорил, что если в сердце твоём только шевельнулось сомнение в праведности дела, которому служишь – вырви из своей груди предательское сердце, и пусть бездомные собаки, рыча и кусая друг друга, сожрут покотившееся в пыль никчёмное сердце твое!

И тут вдруг чёрные виноградины её глаз стали стремительно набухать прозрачной, недостойной настоящего компаньеро влагой, и она, изо всех сил презирая себя, разревелась, как...

...как курицеголовая домохозяйка, у которой пирог сгорел, муж загулял, сын играет в бейсбол, а дочь снюхалась с грингос, и те сделали её наркоманкой...

¹⁸ merendero – забегаловка (исп.)

¹⁹ персигов (исп.)

Глава 7. Я вас научу родину любить!

У генерал-майора Государственной Безопасности Петрова Э.А. брови были тонкие и нервные, как две институтки. Его малахитовая авторучка ездила туда-сюда по бумаге, но стоявший перед ним навтыжку Курочкин понимал, что генерал-майор гонит ему дуру: ни черта не пишет, а только притворяется.

А может, меня крестили в детстве, пришла в голову Курочкина красивая и неожиданная идея. Может, меня, когда я был совсем ещё дитя, месяцев двух от роду, и ничего не соображал, тайком от отца и деда понесли в какой-нибудь полуразорённый храм, завернув в одеяло и сунув в беззубый рот соску с молоком, чтобы я нечаянным криком не привлёк ничьего внимания, а там моего приноса дожидался батюшка... И, может, я сразу приобщился Божьей Благодати. И Канцелярия Небесная приставила ко мне личного вертухая, то есть ангела-хранителя, моего ангела-хранителя, и больше ничьего, и вот с тех пор он постоянно витает надо мной, добрый дух, хранит меня от всех напастей, и если я сейчас как следует помолюсь Богу, то он, мой ангел-хранитель, подхватит мою молитву, идущую из самого сердца, упакует её в красивый конверт, шлёпнет на конверте печать “срочно, лично в руки” и отнесёт конверт наверх, Самому?

Только как молиться? Если б я знал. Отче наш, иже еси на небеси. Вот и все мои познания в богословии. Отче наш, иже еси на небеси. А может, этого и достаточно? Если повторить это фразу тысячу раз?... Две тысячи?..

Генерал-майор потанцевал бровями, и Курочкин с оглушительной ясностью понял, что никто никогда тайком ни от кого его не крестил, потому что попросту некому было этим заняться. Бабка по отцу, известная в своё время всей Москве Сима-комсомолка, в девичестве Сара Зильберштейн, не могла этого сделать потому, что сгинула в ГУЛАГе задолго до рождения внука. Бабка по матери, преподававшая в ВЗПИ научный коммунизм, не сделала бы этого по идеологическим соображениям. А мамаша... мамаша – та, наверное, по гносеологическим, ибо, хоть и повесила после героической гибели супруга крестик на белую грудь, тем не менее сроду знать не знала, что такое религия, зачем детей крестят, а главное, не интересовалась.

Батяня бы ей поинтересовался.

Петров перестал изображать из себя писателя, отложил в сторону малахитовую авторучку и мрачно взглянул на Курочкина из-под прыгнувших к переносице бровей.

У Курочкина стало пусто в животе. Помни про сфинктер, сказал он себе. Не то это будет последняя стадия твоего позора.

В разведшколе СВР в Балашихе на семинарах по экстремальным ситуациям инструктор всегда говорил им: помни про сфинктер. Обделавшегося шпиона колют в три раза быстрее. Хоть Курочкин в данный момент не шпион и колоться ему не в чем, кроме как в исключительной хитрожопости, что для разведчика вовсе и не преступление, всё равно ему крайне не хотелось бы осрамиться перед генерал-майором.

Молчание в кабинете резидента сделалось гнетущим. В кабинете было душно – что-то, как это тут всегда случается в самую жару, стряслось с кондиционерами, и вместо нежного прохладного сквознячка квадратные пасти вентиляционных отверстий мерно смердели тяжёлым и вонючим. Холёная рука резидента поползла по столешнице, судорожно цепляясь за исписанные листы бумаги, и листы посыпались на пол вместе с малахитовой авторучкой.

Помни про сфинктер, сказал себе старший лейтенант.

– Ну что, – обманчиво добродушным тоном начал резидент свой монолог. – Как вас там... Уточкин?... Н-да... Нормального человека такой фамилией не назовут... Так что, сразу признаетесь во всём, или на конвейер вас определить?

– В чём, трщ грлмр?

При обычных обстоятельствах, не экстремальных, воинские звания, даже самые высокие, в стенах резидентуры вслух произносить возбранялось. Но теперь нужно было помнить про сфинктер. “Трщ грлмр” этому способствовало, а “Эдуард Авксентьевич” могло привести к непредсказуемым последствиям.

– Калифорнийский скунс вам товарищ! – голос Петрова зазвенел и раскалился. – На кого работаете, вашу мать?!

– На внешнюю разведку Российской Федерации, – пробормотал Курочкин, отчаянно помня про сфинктер.

– Что ж вы в таком случае своего товарища боевого от пули не спасли?

– Я же вам уже рассказывал, трщ грлмр.

Петров грохнул кулаком по столу. Пока не сильно. Курочкин замолчал, а генерал-майор задумался. Его знаменитые на весь пятый отдел брови встали почти вертикально. Петров любил повторять, что настоящий разведчик должен уметь не только разговаривать бровями как языком, но, если понадобится, и страх ими внушать. Сам Петров этим искусством владел в совершенстве. Зато он никогда не матерился и со всеми подчиненными был исключительно на “вы”.

Пошёл третий час бессмысленного курочкинского стояния пред начальственным окном. Надо сказать, начальство довольно быстро разыскало и выдернуло его из недр Управления Полиции. Он едва успел дорисовать портрет террористки, дать подписку о невыезде (которую в Управлении брать с него очень не хотели) и письменное обязательство опознать подозреваемую в случае её задержания. На портрет мужика, за которым следил покойник, времени не хватило. Впрочем, Курочкин видел его, в основном, со спины, и нарисовать его так же чётко, как бабу, всё равно бы не смог. Насчёт подписки и обязательства ему ещё только предстояло доложиться генерал-майору, и это пугало его более всего. Сколько он ни говорил себе, что рано или поздно настанет пора раскрыть рот и обломать генерал-майору, как говорят на Родине, куда Курочкину очень не хотелось возвращаться, кайф, решиться он на это всё никак не мог.

Страшно.

– Так почему же вы... Рябочкин, сразу консула не потребовали, как вас учили? – задумшевно, но без улыбки спросил Петров.

– Напугался, трщ грлмр, испанский язык позабыл под действием шока.

На семинарах по поведению на допросах инструктор всегда говорил им: когда тебя колет враг, или начальство арбуз вкатывает, – лучше казаться робким и глупым, чем наглым и хитрожопым. Пока сапогом по рёбрам не перепадет.

– По-испански консул будет – *consul*, придурок! – Петров опять начал набирать обороты, но Курочкин-то знал, что это пока только цветочки, ягодки начнутся, когда он ему скажет про подписку о невыезде. – Не *consulo*, не *consulito*, не *consulininasto!!!* Ничего, вспомните вы у меня испанский язык, вспомните, лейтенант. Вы ещё будете его молодым якутам преподавать, сидя на льдине! Ладно, что я тут с вами время теряю. Значит, завтра же в самолет – и в Москву. Там специалисты вам язык-то быстро напомнят.

– Нельзя меня в Москву, трщ грлмр, – пролепетал Курочкин, умирая от страха.

Настал ответственный момент.

– Почему это нельзя? – Петров посмотрел на наглеца с плотоядным интересом.

– Подписка... – еле выдавил из себя Курочкин.

– Что?! – гаркнул генерал-майор. – Не слышу!..

– Они с меня подписку взяли о невыезде и обязательство явиться на опознание, – понёс Курочкин на одном дыхании, – я получаюсь единственный свидетель нельзя меня в Москву скандал будет международный.

Генерал-майор побагровел и выдохнул из себя воздух с такой силой, что Курочкин покачнулся и неожиданно для себя икнул. Знаменитые генеральские брови образовали два прямых угла, вершинами воткнувшиеся в веки. В течение следующих пяти минут ничто, кроме свистящего сопенья генерал-майора и судорожного иканья старшего лейтенанта, не нарушало тишины в душном кабинете резидента. Их дуэт звучал довольно слаженно: на один соп-высоп Петрова приходился один ик Курочкина.

– Что ж все такие мудаки-то вокруг, – каким-то плаксивым шепотом заговорил генерал-майор. – Нет, я спрашиваю, что ж, что случилось... почему все сплошные мудаки стали вокруг? А? – и неожиданно заорал: – Ведь ни одного, ни одного нормального вокруг меня! Ведь это школа для дебилов какая-то! Всероссийская кузница дебилов! Присылают на мою голову блатных, а потом требуют результатов... Результат им, говорят, давай! Слышите, вы, урод? Кто, кто мне скажет, где богатыри, где эти акулы разведки, золотой генофонд мирового подполья? Где они, все эти скромные гении с мускулистым интеллектом, с которыми я когда-то начинал? А? Вы не знаете, лейтенант Ярочкин? А я знаю. И вам сейчас скажу. Они сидят в кожаных креслах управляющих банков, директоров телекомпаний, нефтяных королей и просто в скромных жакузи на своих пятиэтажных дачах в Подмосковье или во Флориде. Они сидят, посматривая сверху на нас с вами, лейтенант Корочкин, и посмеиваются... над кем? Не знаете? Вы ничего не знаете. Следующая ваша служба будет – заносить хвосты атомным бомбам на курорте Новая Земля, ясно вам? Под трибунал пойдете, умник! Так вот: они посмеиваются – надо мной! Над последним идеалистом в этой стране. Не в этой, где мы сейчас, а той, для вящей славы и величия которой мы тут все горбатимся. Кроме вас, конечно. Ведь вы самый умный, самый хитрый. Мы, простые рядовые чекисты, вам в подмётки не годимся. Мы, незатейливые служаки, суть простое пушечное мясо. Сегодня враги завалили майора Сергомасова. Вы дали им подписку о невыезде. Завтра завалят меня. Вы дадите им обязательство работать на их Контору. Послезавтра взорвут в Кремле ядерный заряд. Вы, вероятно, предполагаете попать его дымящиеся развалины копытом белого коня? Нет? Сесть на гору обугленных трупов со скипетром в руке и шапкой Мономаха на этой скворешне, которая по недоразумению зовется вашей головой? Вы скрипите зубами! Вы нагло икаете! Вам не нравятся мои слова! Может, вы полагаете, что я буду вам препятствовать в этом? Ничуть!!! Теперь мне не жалко тех кретинов, которые развалили лучшую в мире разведку и пока сидят там. Мне жалко памятник архитектуры, молодой человек. Мне жалко моих внуков, которые не увидят этих зубчатых стен. Потому что рано или поздно наступит момент, когда на каждом зубце будет висеть по такому, как вы, лейтенант Пёрошкин. И по одному деятелю из тех, кто приложил свою нечистую руку к развалу мировой державы. И ещё – по одному жадному и лживому шелкоперу. И по одному банкиру. И по одному топ-менеджеру. Вам ясно, лейтенант Курочкин? Подписчик херов! Серебряков!

Дверь скрипнула, и молодчик в чёрном костюме с галстуком, торчащим вбок, внёс в кабинет резидента редкостно омерзительную рожу. Он встал на пороге, наблюдая вечную, как мир, композицию, мильон тыща первую репродукцию известной картины художника Ге, и полное удовлетворение от предстоящей ему работы нарисовалось на его широкой морде. При виде этой жуткой фигуры несчастный Курочкин прямо-таки зашелся в икоте.

– Серебряков, у нас есть бокс без окон без дверей? – спросил резидент. Гангстер задумался.

– Без дверей – нет, – рассудительно сказал он. – Без окон – сколько угодно.

Настала пора задуматься резиденту. Гангстер решил прийти шефу на помощь.

– Без окон с одной дверью пойдёт? – спросил он.

– Вполне, – сказал резидент. – Вы чувствуете, лейтенант Харечкин, сколь огромна ваша вина, если мне за всю службу здесь приходится пользоваться кандеем в первый раз? В первый раз!.. То есть, до вас не нашлось пока мерзавца, который...

– Меня нельзя в бокс... – пролепетал Курочкин, вернее, то, что от него осталось после непрерывной икоты и убийственного монолога шефа.

– Это почему же? – спросил Петров, а гангстер неприятно ухмыльнулся.

– Мне завтра в десять в Прокуратуру на допрос...

Генерал-майор и Серебряков переглянулись. Курочкин икнул в последний раз – и замолчал. Сил у него не осталось даже на это.

– Эдуард Авксентьевич, – осторожно сказал Серебряков.

– Да?

– Может, они там перетопчутся, в Прокуратуре?..

Помни про сфинктер, сказал себе Курочкин. Нафига только я в этом баре кока-колу грёбаную пил...

– Да наверное перетопчутся, – сказал резидент, плотоядно вглядываясь в старшего лейтенанта. – А, Херочкин? Ведь перетопчутся? А? Не верите? Да через двадцать минут сюда телеграмма придет на чистом испанском языке о том, что мамашу вашу парализовало и некому ей стакан воды подать. Хотите? Что скажете?..

Какое там сказать – старший лейтенант и вздохнуть-то не мог уже от охватившего его ужаса. Он ясно осознал, что перед ним стоят люди, которые могут сделать с ним всё, что им заблагорассудится. Ну, абсолютно всё. Плюя с высокой колокольни на его желания, его анатомию, вероисповедание, гражданские права, талант художника, на всё! Не исключено, что кто-нибудь уже колет его мамке в мягкий бок нечто такое, отчего её и впрямь разобьет паралич – на случай, если маньянская контрразведка решит проверить, правда ли по делу так скоропостижно покинул их гостеприимную страну третий секретарь посольства сеньор Kurochkin, или, так сказать, ему пришлось?.. Какое пришлось, сеньоры! Не надо грязи! Пожалте посмотреть!.. И – глядишь – мчится кавалькада “мерседесов” на Большие Каменщики, а там, ко всеобщему удовлетворению, – неподвижная безмолвная маманя и, рядом, на коленях, – безутешный сынок, горько рыдающий от тройной дозы скополамина...

Бесы крестили меня, подумал (или вспомнил?) Курочкин. Всех нас. В грязной купели всех нас бесы крестили. Поганым ведром воду таскали. Копытом на затылке пятиконечную звезду, обрезанный могодновид малевали...

– ...вы слышите, Ряшечкин?.. Хрюшечкин?.. Извращушечкин?.. И Генеральный Прокурор страны Маньяны скажет на вашей могиле, наверное, скажет, мы все, скажет, были по своему несправедливы к покойнику... М-м-да, скажет, такой молодой, и такая мучительная смерть от безымянных хулиганов...

Но Курочкин больше не слышал генерал-майора. Ни единого слова не доносилось до него сквозь полную неземного света пелену, которая внезапно окутала его со всех сторон. Свет лился откуда-то сверху, но не от неоновой лампы под потолком, а откуда-то ещё выше. Старший лейтенант поднял голову и произнёс громко и отчетливо:

– Отче наш небесный! Да святится имя Твоё! Да будет царствие Твоё!

– Что он несет?! – лицо генерал-майора вытянулось, а брови опали.

– А ты сгинь! – строго сказал ему Курочкин.

– Я щас кому-то сгину, – процедил Петров сквозь зубы и привстал со стула.

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь! – заорал Курочкин, задрав голову ещё выше, а палец указательный наставляя на генерал-майора. – И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!!!

Серебряков, не дожидаясь приказа, уже волок Курочкина в бокс без окон с одной дверью.

– И... и... и отпусти нам долги наши!.. – донеслось из коридора, после чего дверь захлопнулась, и наступила тишина.

Петров поднял с пола малахитовую авторучку и почесал ею свои знаменитые брови. Лукавил он, конечно, лукавил. С одной стороны, ясна фишка, никто и ничто не помешало бы ему эвакуировать несчастного Курочкина на Родину. Но, с другой стороны, уж такие времена настали на дворе, что высокое начальство на это резонно сказала бы: а зачем? На хрена он нам нужен тут, твой Курочкин? На конвейер его ставить? А на хрена нам эта головная боль, если мы с маньянками уже десять лет как пхай-пхай? А? Из-за твоего мудачонка международную обстановку портить, препятствуя правосудию маньянскому? Эдик, ты что, совсем дурак? Мозги от тропической жары расплавились? Выкинь его из службы, пусть третьим секретарем пашет, полиции помогает. Поможет – отзовем в родные пенаты. Не поможет – пусть там крутится, пока срок его не выйдет. Тогда мы ему зарплату перестанем платить. Пусть Прокуратура маньянская его содержит. Посмотрим тогда, сколько он продержится. Всё равно ведь вернётся рано или поздно, куда денется. А эвакуация – ну совершенно незачем. Совершенно.

Вот что высокое начальство сказала бы Петрову, обратиться он за разрешением на эвакуацию.

И правильно бы сделало.

И – ладно, забудем, наконец, про Курочкина. Достаточно с него вербальной порки и в кандее посидит до девяти утра. И пусть идет в Прокуратуру. Пусть там днюет и ночует. Господь с ним.

Вошёл Серебряков, взглядом показал шефу, что с клиентом – полный порядок и молча встал на пороге.

– Ну, что стоите, как столб? – спросил Петров после некоторой паузы. – Заняться нечем?

Серебряков молча пожал плечами и ни малейшего желания уходить не проявил. Видно, впрямь нечем было молодцу заняться.

– Ну, не знаю я, не знаю! – раздраженно заговорил генерал-майор. – Не знаю пока! Дайте встречусь с ними – может, они мне скажут. А пока – ничего не знаю!

На лице громилы появилось подобие некоторого удовлетворения. Он повернулся и вышел, негромко притворив за собою дверь.

Петров нажал в столе неприметную кнопку и сказал в пространство:

– Голубева ко мне!

Через минуту в кабинет с чемоданчиком в руке вошёл не по возрасту лысый лейтенант Голубев – дежурный по связи.

– Проверьте седьмую линию, – приказал резидент.

Голубев подошёл к столу, на котором стояло восемь телефонных аппаратов, раскрыл чемоданчик и сунул в один из аппаратов какие-то разноцветные провода. Затем он достал из чемоданчика наушники необычной формы, надел их на лысый череп и чем-то щелкнул. Минуты полторы он внимательно прислушивался, затем сложил всё обратно в чемоданчик и сказал:

– Чисто.

– Свободны, – сказал резидент и, как только дверь за Голубевым закрылась, набрал на защищенном от прослушиваний аппарате почти никому не известный номер. Трубку сняли после второго гудка.

– Hi, Billy, – с несколько фальшивой весёлостью сказал в трубку Петров. – How are you²⁰?

²⁰ Как сам? (англ.)

– Ні, Эдик, – ответили ему. – Ти можеш каварит пха-рюски. Я отин. Just a sec²¹, только виключтю тиви.

– Что, смотришь? – фальшиво усмехнулся резидент.

– Смотрю, смотрю! – радостно захватал Билли.

– Интересно? – мрачно спросил Петров.

– Ошен, ошен интересно! – заверил его Билли. – Очшен!

Чертову цээрешнику – как автомобилю «жигули» # всегда требовался некоторый филологический разогрев, после чего он вполне мог говорить по-русски почти без всякого акцента.

– Как насчёт ланча тет-а-тет? – спросил слегка уязвлённый резидент.

– O'key, – сказал невидимый собеседник. – Только для ланча несколько поздно-уато. Назовем это “ужин”. Где?..

– Как насчёт “El Manzanito”? Прямо сейчас?

– O'key.

²¹ Сейчас, погоди (англ.)

Глава 8. Чтобы служба мёдом не казалась

Хорошо, что солнце перед закатом уже не такое свински яркое. Это кайф. Конечно, служба здесь – не бей лежачего, не суши стоячего, но даже в этой лафовойшей из житух есть свои неудобства. Тёмные очки, например, надевать нельзя категорически. Шляпой или какой другой сомбрерой закрывать морду, которая не привыкла к тропическому солнцу и никогда не привыкнет, тоже не моги. Жарься до рези в глазах, до обморока, но не прячь личину от мирных жителей страны Маньяны. Руки не смей засовывать в карманы. Весь ты с ног до головы обязанный быть на виду у честных маньянцев, как фреска на фасаде здания штаб-квартиры Национально-Революционной Партии. Весь твой экстерьер должен быть настезь открыт интересующимся тобою гражданам. Тогда им будет меньше дела до твоего интересера.

И ни при каких обстоятельствах не употребляй множественное число первого лица. Никаких *nosotros* – “мы” # быть в твоей жизни не должно. *Vosotros*²² – пожалуйста. *Ud, Uds, ellos, ellas*²³ – сколько угодно. Только “нас” – нет в природе. Нет, и всё.

А есть – *yo*, то есть я, боливийский беженец Иван Досуарес. Я иду по предвечерней маньянской столице, по значному району Канделария, как ленивый фраер, не спеша, бесстрастно поглядывая по сторонам, постригивая глазами тёлочек, но без всякого нахальства, без намёка, без вечернего сексапила, без утробного самцовского рева и клацанья рогами. И не только потому, прекрасные сеньоры, что мне хватило на сегодня безымянной блондинки в номере отеля, телефон которой я стёр из памяти своего мобильного едва вышедши из отеля, но и потому, что есть у меня сегодня ещё и другие дела. Я – волк, я – кот, я – гиена, я – заяц. У меня большие уши, у меня хитрые повадки, у меня острые зубы, у меня мягкие подушечки на лапках. Я готовлюсь к войне.

Иван ещё в прошлое посещение столицы приметил в самом сердце каменных джунглей стометровый проходной коридор шириной метра четыре, заваленный мусором и донельзя загаженный.

Справа и слева тянулись серые кирпичные стены без окон. В проулок выходили три двери. За двумя из них, по прикидкам Ивана, должны были находиться чёрные ходы забега-ловков. Что было за третьей дверью – Иван не знал. Но явно не контрразведка.

То, что проулок был загажен, играло на руку: лишний раз человек сюда не полезет, а если полезет, то исключительно для того, чтобы справить нужду, стало быть, мало шансов, что заподозрят завернувшего сюда в злых намерениях, а если и заподозрят, то будет чем отбрезаться: зашел, дескать, пописать, как всякий маньянец себе позволяет в вечерний час, что в этом такого?

Когда Иван свернул в узкую щель между восьмизэтажными каменными домами, в его распоряжении оставалось восемнадцать минут сорок секунд светлого времени. Пройдя метров двадцать, он оглянулся. Нет, никто не заинтересовался широкоплечим парнем, зачем-то заглянувшим туда, куда благонамеренные граждане заглядывать привычки не имеют. Да и народу на улице было пока немного: весёлый район Канделария наполнялся разухабистой толпой только с наступлением ночи.

Настанет ночь, и вылезут из щелей, подобной этой, подонки рода человеческого – омерзительные амары со своими важничавшими толстожопыми шмаровозами в белых шляпах и цепях. Секс за деньги Иван считал извращением. Особенно в Маньяне. Лезть к этим страшным ночным уличным трещинам: наглым, щербатым, вонючим, полупьяным, грязно-

²² *Вы (исп.)*

²³ *Вы, они (исп.)*

ватым... когда днём вокруг столько прекрасных неохоженных телок, только и мечтающих отдаться нормальному парню, и без всяких денег. Е-рун-да-с.

Опять думаю по-русски, одернул себя Иван. Пора переходить на гишпанский, блин. Как в экстернатуре учили. Первая же “япона мать” на маньянской территории будет и последней. Всё, сказал он себе. С понедельника – по-русски больше не думаю. Только по-гишпански с боливийским акцентом.

А “япона мать” – она как икота, как любовь к родине: проистекает ниоткуда и уходит в никуда. Выпил лишнего – а шпиону иногда без этого напрямую не обойтись – и закоротило мозгу на летучее выражение. Потом рассказывай удивлённому собеседнику, что это ритуальное заклинание шаманов племени гуарани.

Впрочем, покамест Ивану напиваться в Маньяне не приходилось ни разу. Производственной надобности не было, а так # его никогда к алкоголю не тянуло. Это отчасти и понятно: из человека, оставшегося сиротой во младенчестве оттого, что папка по пьяни зарубил мамку топором, за что был карательным органом должным образом немедленно покаран, – из такого человека навряд ли вырастет Омар Хайям с его алкогольными апологиями.

Дойдя до середины проулка, Иван увидел в стене проём глубиной метра в полтора, а там – водосточную трубу и водосточный люк с решеткой. Он даже не удивился тому, что нашёл здесь идеальное место для тайника. Интуиция, господа! Чему-то всё-таки успели научить его в ГРУшной экстернатуре!

Еще раз оглянувшись – в том, что он оглядывался, как раз не было ничего подозрительного: ну, стесняется человек принародно обнажать свою пиписку – Иван скрылся в проёме. Там он присел на корточки и просунул руку сквозь решетку. Так и есть: под решеткой с одной стороны – ниша, которую глазами не увидишь, как шею не изгибай. Прямо все удобства для шпионов. Правда, сюда гадят. Ну, что ж – издержки профессии. Зато и надёжности больше.

Тайник нельзя устраивать в абсолютно идеальном месте. Как-то Иван, ползая по парку Чепультепек, обнаружил такой шикарный закоулок, что ни с какой стороны невозможно было бы подкопаться: и сухо, и чисто, и спокойно, и никому не видно, и он сунул туда руку – а там чей-то револьвер в полиэтилене дожидается хозяина. Иван тут же вернул пушку на место, и полиэтилен со своими пальчиками тоже там оставил, и смылся оттуда как можно скорей. Можно сказать, поддался панике. А ведь не поддаваться панике его тоже специально учили.

Ну ладно, тайничок номер шестнадцать дробь ноль три, будем считать, готов. Иван поднялся на ноги, и тут кто-то сзади резко заломил ему руку.

Ну вот, взяли. Главное, без паники, сказал себе Иван. Впадая в панику, ты только ускоришь свой провал. Никаких нет оснований для паники. Взяли, и взяли. Всех рано или поздно берут. Абсолютно никаких нет оснований.

Как нет, если есть, крикнула в ответ та часть его мозга, где находился отдел паники. Как нет, если наступил здец3.14, и тебя сейчас поволокут в подвалы местной лубянки гениталии дверью зажимать!..

Тут село солнце, и в три секунды, как это всегда бывает в тропиках, наступила ночь. Чьи-то руки нетерпеливо обшаривали карманы Ивана Досуареса. Как минимум два человека усердно сопели в его широкую спину. Исходившее от них зловоние отчасти успокоило Ивана: навряд ли агенты спецслужб будут специально блевать за углом прежде чем брать на тайнике русского шпиона, как бы им не был омерзителен этот тип людей.

– В чем дело-то? – нервно спросил Иван, глядя под ноги: руку ему заломили довольно сильно, приходилось стоять в дурацкой позе, на полусогнутых, чуть не упираясь репой в стену.

Как трудно из бытовой реальности с ходу перестраиваться в шпионскую ирреальность!

– Молчи, козёл, – сказали ему. – Покуда тебя не прирезали.

Так это грабят меня, подумал Иван. Что будем делать? Караул кричать? Ерунда. В стране Маньяне ни до кого не докричишься. Тем более что я, похоже, залез на территорию этих ублюдков. Придется покориться обстоятельствам. Как бы по башке не дали.

Кто это, интересно, просто гоп-стопники, которые этот закоулок пасут, или мехильяносы? Если вторые – то точно дадут по башке.

Такие ситуации в Консерватории тоже проигрывались. Ивана учили: если придется драться – дерись, но так, чтобы тебя побили. Но не сильно. Тогда ты победишь, потому что у всех вызовешь сочувствие. А лучше старайся до этого дело не доводить. Какой бы ни был накал страстей – любую драку можно пресечь вовремя сказанным словом.

Тебя бы сюда, мысленно обратился Иван к своему инструктору. Интересно, какое же слово я должен сейчас сказать этим уродам, чтобы они тут меня не похоронили в тайнике номер шестнадцать дробь ноль три?.. В моем же тайнике меня же и не похоронили.

Запомни, твое дело не челюсти сокрушать, говорил ему инструктор. Не глазунью делать из хозяйства противника метким мае-гери. Не шею с хрустом ему сворачивать. Для этой фигни в Красной Армии штыки найдутся. Твое дело – трахаться со зверской силой.

Как бы меня самого сейчас... не трахнули со зверской силой, подумал стоящий раком старший лейтенант. Вот суки, руку-то как профессионально заломали, и не трепыхнёшься.

Позади него кто-то зажёл фонарик и хриплым голосом прочитал:

– Иван Хосе Мария Досуарес. Монтеррей. Сесарио, ты знаешь, где этот Монтеррей?

Бумажник вскрыли, понял Иван. Там у меня водительские права... были... и билет на самолёт.

– Да не больше чем ты, – отозвался Сесарио, смердя Ивану в спину перегаром.

– Твой самолет через три часа, риэлтер, – Иван почувствовал, как бумажник кладут ему обратно в карман. – Мы там оставили тебе пятёрку. Как раз хватит доехать на автобусе до аэропорта.

– Спасибо, сеньор полицейский, – ответил Иван.

– Ух ты! Сесарио, у этого парня на жопе глаз! Ну-ка, спусти с него штаны, пускай поморгает!

– Не надо, уважаемый сеньор, – взмолился Иван. – Я просто так сказал. Ляпнул сам не знаю что.

Он никак не мог привыкнуть к маньянской манере охранять его гражданские права. Впрочем, и в его родной Нижегородской губернии такой способ тоже вполне практиковался.

– То-то же, – сказал полицейский с добродушием, что и не удивительно, если учесть, что в бумажнике у Ивана лежало без малого четыреста монет. – Ладно, Досуарес из Монтеррея, обещаешь нам стоять тут не разгибаясь пять минут, или тебя дубинкой по мозжечку охреначить?

– Обещаю, сеньор!

– Мамой клянешься?

– Клянусь!

– Чем?

– Мамой, сеньор!

– Родной любимой мамой?

– Так точно, сеньор!

– Ну ладно. Стой как стоишь.

Руку отпустили. Иван простоял не двигаясь и не разгибаясь ровно пять минут. С маньянской полицией шутки плохи, это ему было известно даже очень хорошо. Сказали, что охреначат по мозжечку – и охреначили бы.

Да, похоже, это не лучшее место для тайника. А жаль. И новый искать уже некогда – времени осталось, действительно, только добраться до автобуса и # в аэропорт.

Он взглянул на запястье. Там было пустынное безвременье. Купленный всего две недели назад “Ролекс” бандюги от правопорядка тоже унесли с собой, сучары, волки позорные.

Примерно в это же время в трёх сотнях миль от всего происходящего ещё один человек, сроду не бывший любителем телевидения, с нарастающим интересом пялился в голубой экран. Хотя поначалу не собирался ничего смотреть, более того, чуть не швырнул стаканом в слугу-филиппинца, прибежавшего к нему с пультом дистанционного управления в руке. Человек смотрел в экран, потирал обширную лысину, потел и трезвел на глазах. Затем он вскочил на ноги с такой резвостью, что не удержал вертикального положения своего тела, грузноватого, но довольно ещё тренированного, и свалился прямо на пальму в бочке. Филиппинец, не смея вмешиваться, почтительно наблюдал всю эту аэробику из-под навеса, где была густая тень.

Вдоволь наобнимавшись с поверженным деревом, человек кое-как поднялся на ноги, отряхнулся и, сделав пять шагов в сторону бассейна, плюхнулся в прохладную воду прямо в одежде. Через тридцать секунд глаза его приобрели осмысленный вид, он взялся рукой за бортик, выпрыгнул из воды и твёрдой походкой направился к лестнице, оставляя за собой тёмные лужи.

Пройдя в комнату на втором этаже гасиенды, он запер за собой дверь, снял телефонную трубку и набрал номер. Там долго гудело, наконец, ему ответили:

– Алё!

– Aguila²⁴! – сказал он. – Aguila, мать твою!

Из трубки вылетело что-то непонятное, кого-то звали к телефону. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, он услышал другой голос:

– Это aguila. Какие проблемы, сеньор?

– Телевизор!..

– Э-э-э...

– Включи телевизор, говорю!

²⁴ Сокол (исп.)

Глава 9. Конец Октября

Октябрь восседал в стеклянной закуской напротив бензоколонки на въезде в Куэрнаваке и с выражением смертельной скуки на скуластой физиономии пялился на дорогу сквозь пыльное стекло. За те два часа, что Агата его не видела, у Октября отросли длинные усы с сединой на кончиках и нижняя челюсть несколько выдвинулась вперед.

Очень грамотно, с одобрением подумала Агата. Мужчина без подбородка усы на своём лице носит, как швабру на излёте. А в комплекте с подбородком получается достаточно гармонично, чтобы не бросаться в глаза каждому встречному-поперечному. Только зачем сидеть у всех на виду – непонятно. Спрятался бы куда-нибудь в тёмный уголок.

Она так подумала, но Октябрю, конечно, ничего не скажет. Яйца курицу не учат. Вообще ничего больше не скажет за весь вечер. Будет молчать, как компаньеро Че в боливийских застенках. Ну его.

Кое-что по мелочи за эти два часа случилось и с Агатой.

Отчего, въехав на бензоколонку, она оставила “феррари” с ключом в замке зажигания на попечение мальчишке, работавшему на заправке, сама же, взяв сумочку, быстрым шагом направилась в дамскую комнату.

Как всегда в воскресный вечер, разнокалиберные автомобили непрерывным потоком ползли в сторону маньянской столицы. Из-за ветровых стекол выглядывали сытые, загорелые, отдохнувшие, обдутые морским солёным ветром морды соотечественников, борьбе за светлое будущее которых Октябрь Гальвес Морене посвятил свою нелёгкую жизнь.

Жизнь эта вплотную подошла к концу, но Октябрь об этом ещё не догадывался. В молодости он очень остро чувствовал опасность. Это, собственно, и помогло ему стать одним из самых дерзких террористов в мире, и ни разу не попасться в лапы властей ни одной из держав, где приходилось ему работать. А облавы на него устраивались ох какие крутые. Вспомнить хотя бы восемьдесят шестой год, Лондон, когда он лично растворил в ванне с серной кислотой Ахмеда Керима Саида и ещё пятерых иракских диссидентов, причем растворял он их в порядке очередности, установленной лично Саддамом, и в течение всего этого процесса те, чья очередь ещё не наступила, сидели и сидели перед ванной, связанные, с кляпами во ртах, ждали своей очереди. После той развлекухи МИ-5 уже отчетливо дышала Октябрю в затылок, СИС проводила по всей Британии широкомасштабные мероприятия по его поимке, на вокзалах торчали патрули, на дорогах стояли кордоны, шестнадцать вертолётов были задействованы в операции, национальная гвардия прочесывала леса, с базы в Фаслейне все подлодки вышли в море, блокировали побережье, не дали кубинцам, которые должны были снять Октября, даже приблизиться к туманным берегам. И вся эта невообразимая суетня творилась ради одного-единственного человека!.. Да, были времена... Было бы что вспомнить Октябрю, доживи он до старости.

Но этого ему было не суждено.

Да, в восемьдесят шестом году он ещё умел чувствовать ловушки, расставленные на него спецслужбами, задолго до приближения к ним. Он ушёл ото всех, залёг на дно в Нортгемптоне, где у него была припасена конспиративная квартира, хозяйку которой пришлось придушить во имя Революции, через полтора месяца перебрался в Ньюпорт, откуда под видом итальянского бродяги живым и невредимым добрался до Северной Африки, где был принят в горячие объятия своего друга Муамарито, который на радостях даже велел наградить его ещё одним орденом, хотя, казалось бы, какое дело бессменному председателю Ливийской Джамахирии до иракских диссидентов?

А потом – то ли устал Октябрь, то ли поверил в свою неуязвимость, а, скорее всего, на него расслабляюще подействовала лояльная к терроризму атмосфера Латинской Америки.

Он прочно осел тут с восемьдесят девятого года. Если и выезжал за её пределы, так только в краткосрочные отпуска на отдых, оставляя дела на ближайшего помощника своего не очень большого ума Мигеля Эстраду. Да и то в последние два года он никуда и не ездил, а довольствовался Гватемалой в качестве места отдыха и Агатой в качестве любовницы.

Постарел Октябрь.

А это добром не кончается для людей, за которыми их смерть крадется по пятам, как проигравшийся им карточный партнер.

Смерть Октября в этот момент сидела, свесив ножки, на гладкой поверхности мельхиорового шарика со свинцовой начинкой. Этим шариком, как пробкой, был заткнут сверху латунный цилиндрик диаметром в двенадцать миллиметров и длиной в двадцать два с половиной миллиметра. Цилиндрик был набит под завязку белыми кристалликами нитрата целлюлозы, вымоченными в спирто-эфирном растворе. На дне цилиндрика с наружной стороны было написано по кругу: “REM-UMC 45 COLT”, а в центре был чёрный кружок, отчего дно цилиндрика походило на чей-то глаз. Цилиндрик третьим сверху был втиснут в шеренгу своих братьев-близнецов. Тесно прижатые друг к другу, они лежали в наглухо запертой стальной коробке. Путь из этой коробки был только один – вверх. Там начинался длинный круглый тоннель со спиральными бороздами на металлических стенках. Цилиндрикам было известно, что вечной жизни нет. Все они были безнадежно смертны. Когда они умирали, через этот тоннель возносилась к свету их душа, заключенная в свинцовый шарик с мельхиоровой оболочкой. Свет в конце тоннеля цилиндрикам дано было увидеть непосредственно перед смертью. В данный момент никакого света в конце тоннеля не было. Тоннель дальним концом упирался в мягкую телячью кожу. Из неё была сделана кобура, в которой покоился автоматический пистолет “Obregon” сорок пятого калибра, принадлежащий детективу второй категории Рикардо Пиньере, который сидел в данный момент в полицейском “форде”, припаркованном возле павильончика “Fast Food” в центре городка Куэрнаваки, и неспешно попивал из бумажного стаканчика горячий чёрный кофе.

А неподалеку от Пиньеры ещё один человек сидел в своём автомобиле и мучительно боролся с собой. Это был таксист, доставивший Октября из Маньяна-сити в Куэрнаваке. Радио в его потрепанной “тойоте” тараторило не умолкая.

Хотя, когда он высадил ничем, казалось бы, не примечательного пассажира на бензоколонке, он ещё ни о чем таком не подозревал. Он погнал машину дальше, в центр городка, покрутился там в поисках пассажира, никого не нашел, и, встряв в поток автомобилей, поехал домой, ругая этого придурка, который завез его чёрт знает куда, спасибо, хоть дорогу в оба конца оплатил.

Трасса была запружена возвращавшимися с моря маньянцами. Движение шло в три полосы, машины двигались медленно. Таксист к тому времени успел проголодаться, путь домой предстоял не скорый, и, доехав до того места, где он высадил пассажира, он свернул на пятачок перед входом в мерендеро, запер машину и вошёл внутрь.

Первым, кого таксист увидел внутри закуской, был тот самый его пассажир. Таксист никак не мог ошибиться, несмотря на появившиеся на пассажирской морде фальшивые усы, несмотря на какую-то дрянь, которую пассажир засунул между зубами и нижней губой, чтобы челюсть выступила вперед. Таксист оторопел. Тут-то и сверкнула в его маньянской башке редкая молния озарения. В один миг он связал мельком слышанное им в новостях сообщение о стрельбе в центре города, о том, что объявлены в розыск пузатый мужик пятидесяти пяти лет и молодая баба, со странным поведением своего пассажира.

Как показалось таксисту, пассажир его не заметил. Пассажир неподвижно сидел в углу, меланхолично пялясь в пыльное окно – явно дожидаясь своей сообщницы.

Таксист иногда посматривал детективные сериалы и знал, что традиционный приём преступников – уходить по одному, а потом соединяться в условленном месте.

Поэтому таксист бочком выбрался из заведения, сел в своё такси, отъехал за бензоколонку и оттуда – сперва из чистого любопытства! – стал наблюдать за освещенным интерьером закусочной. Его интересовало, верна его догадка или не верна. Если верна – то-то будет, о чем рассказать односменщикам за рюмкой кальвадоса в баре на la avenida de Casablanca, куда под утро забредали освежиться и перекусить утомленные маньянские таксисты.

Любопытство оказалось сильнее голода. Чтобы не слышать наглого бурчания в животе, таксист включил радио и пробежался заскорузлыми пальцами по разным радиоканалам.

Тут-то шкура на нём встала дыбом. Он услышал, кого он вёз. И за кем в данный момент следил. Он прекрасно знал, что ребятам такого рода ничего не стоило бы спустить с него с живого вставшую дыбом шкуру, натянуть её на барабан и его же, обесшкуренного, заставить барабанить на этом гнусном инструменте. Несмотря на то, что он являлся тем самым трудовым элементом, права которого эти революционеры поклялись защищать. И это было бы только началом веселья, потому что эти ребяташки и впрямь на выдумки неистощимы. А полигоном для отработки чувства юмора им служил весь, без малого, земной шар.

Трясущейся рукой таксист врубил задний ход, и тут...

И тут по радио сказали, сколько сулит Правительство тому, кто укажет местонахождение объявленных в розыск террористов.

Таксист вернул рычаг коробки передач в нейтральное положение и начал мучительно бороться с собой. Не вылезая из машины. У него подрастали две дочери – это раз. Шестнадцатилетняя племянница, та ещё сучара, Святая Дева Мария – свидетельница, что она сама его опрокинула на кушетку, когда он зашёл к брату Альфредо перехватить двадцатку на новую запаску и не застал ни Альфредо, ни его жены Грасиелы, а застал только эту соплюху, которая предложила дяде выпить, а потом – потом... словом, пошла пятая неделя, а чем дальше, тем дороже будет стоить аборт, так что откладывать не в его интересах, да и сверху придется дать ей приличную сумму, чтобы она не проболталась своему папаше. Это два. Три —...

На счёте “одиннадцать” таксист решился. Тут как раз подъехала “феррари”, из неё вышла девица и помчалась в сортир. Если она приблизится к террористу – иду звонить, решил таксист.

– Ну, наконец-то, – сказал Октябрь. – Давай, скорее, садись сюда. Да не сюда, а туда, спиной к окну. Чтобы меня не было видно снаружи. Да не глазей по сторонам. Сиди тихо, спокойно, закажи официанту что-нибудь, когда он к тебе подойдет.

– А что случилось, Октябрито?

– Нас засекли. Вон там сидит человек в машине и следит за нами. Это таксист, который меня сюда привёз. Подонок. Он обо всем догадался.

– Я же говорила, что надо было нам ехать вместе.

– Заткнись. Зачем только я взял тебя с собой... Да не верти головой, дура!..

– А может, он просто так там сидит? Может, он набирается сил перед тем, как поехать домой?..

– Как же. Он сюда заходил только что. Я сделал вид, что не заметил его, он покрутился тут, потом отъехал и наблюдает за мной уже минут двадцать. Так. Он вылез из своего такси и куда-то пошел. И я даже знаю, куда. Сиди здесь. Не спеши, выпей кока-колы, расплатись за себя и за меня и иди к машине. Заводись и выезжай с бензоколонки. Через пятьдесят метров я к тебе присоединюсь.

Октябрь вышел из-за стола и направился к выходу. Встретившись взглядом с официантом, он улыбнулся ему виноватой улыбкой: дескать, ничего не поделаешь, проблемы с желудком, возраст, амиго, подойди пока к моей девушке, я мигом, – шагнул с порога и рас-

творился в сумерках. Здорово у него получается, вздохнула Агата. Мне так ещё учиться и учиться... Она повернулась к подошедшему официанту.

Да нет, вовсе и не здорово, на самом-то деле. Когда Октябрь неслышно приблизился к телефонной будке с выбитыми, как на заказ, стеклами, проклятый таксист уже успел наболтать лишнего в пахнущую воскресной блевотиной чёрную трубку. Тонкое четырехдюймовое лезвие мягко вошло ему под ухо, в один миг решив все его одиннадцать проблем, и он умер ещё до того, как ноги его подогнулись, тело обмякло, и, поддерживаемый за талию Октябрем, он осел на залитый мочой резиновый пол.

Октябрь выдернул лезвие – как всегда, назад оно выходило с куда большим трудом, чем вперед, – отдернул руку, чтобы не запачкаться густой чёрной кровью, хлынувшей на резиновый пол телефонной будки, обтёр миниатюрный клинок о рубашку убитого таксиста и засунул оружие в специальный неприметный кармашек на кожаном ремне. Не забыл он заодно обшарить карманы убитого, вытащив пачку банкнот и документы, чтобы придать случившемуся видимость ограбления. После этого он шагнул в заросли, окружавшие бензозаправку, и пропал в ночи.

Когда Агата, отъехав от бензозаправки ровно на пятьдесят метров, притормозила у обочины, Октябрь был уже там. Он шагнул из кустов и сел в машину. Всё произошло так быстро, что никто бы ничего не заметил, если бы даже и смотрел в их сторону.

– Гони, – сказал Октябрь.

Агата дала по газам.

– Да не так быстро, – пожурил её Октябрь. – Нас же *anjelitos verdes*²⁵ заметут. Не превышай скорость.

Агата сбавила скорость, и всё равно её “феррари” пронесся мимо только что допившего свой кофе Рикардо Пиньера как ракета. Тот успел заметить лишь марку машины. Взяв в ладонь микрофон полицейской рации, установленной между сиденьями, он сказал:

– Центральный! В какой машине, вы сказали, едут подозреваемые?

– Вроде бы, в “феррари”... – прохрипела рация.

– А какого цвета? – поинтересовался Пиньера.

– А чёрт его знает, – ответила рация. – Тот парень, что звонил, внезапно передумал говорить дальше и замолчал. Наверное, это туфта. Какой-нибудь пьяный придурок пошутил, а потом испугался и сбежал, не повесив трубку автомата, из которого звонил. А почему ты спрашиваешь?

– Тут мимо меня прошелестел какой-то “феррари” на большой скорости. Может, догнать?

– Попробуй, Пиньера, только будь осторожен, мать твою! Если это те, кого ищут федералы, то они вооружены и очень опасны. Могут открыть стрельбу.

– Стрелять-то мы и сами можем, – опрометчиво ответил Пиньера. – Эка невидаль.

С этими словами он молодецки швырнул микрофон на соседнее сиденье, выбросил в окно пустой бумажный стаканчик из-под кофе, зевнул, почесал указательным пальцем подмышку, и тогда уже тронул выдавший виды “форд” с места с таким визгом шин и дымом из-под колес, что было видно издали, что автомобиль у него – служебный. Через пятнадцать минут на пустынном шоссе, ведущем в сторону Акапулько, показались габаритные огни “феррари”. Пиньера сбавил скорость и начал преследовать машину, не приближаясь к ней ближе чем на полкилометра.

Агата вела машину молча, сосредоточенно глядя вперёд. То и дело её ослепляли ехавшие навстречу беспечные маньянцы, забывавшие переключать свет с дальнего на ближ-

²⁵ дорожная полиция (исп.)

ний. Агата прищуривалась, стискивала зубы и молчала, потому что твёрдо решила сегодня всю дорогу до дома молчать.

Октябрь, блаженствуя, развалился на сиденье, подставил разгоряченное лицо сквозняку из открытого бокового окна. Временами он скашивал взгляд на безмолвную Агату, чем немало её раздражал. Впрочем, она не подавала виду, что замечает эти приступы внимания к ней.

Не время было любоваться друг другом. Радио под приборной доской трещало без умолку: вслед за описанием их примет следовал прогноз погоды, после репортажа с футбольного матча в Венесуэле – заявление генерального маньянского прокурора с указанием цены, назначенной за их головы.

– Поедем в убежище номер девять, – сказал Октябрь. – Нужно сменить машину. Проклятый таксист мог успеть наболтать, что видел тебя в “феррари”. Там и передохнем.

Агата покосилась на толстомордого компаньера и промолчала. Она догадывалась, что понимал Октябрь под словом “передохнем”. Он всегда чувствовал потребность заняться этим после того, как лично, вручную, выписывал кому-нибудь бессрочную командировку на тот свет. Эрекция, обычно так себе, после убийства у него всегда бывала просто убийственной. Но сегодня его ждет облом.

– Извини, Октябрито, сегодня ничего не получится.

– Как это не получится? – уставился на неё компаньера. – У меня сейчас пуговицы на штанах лопнут.

– Да нет, ты не понял. Не получится не из-за тебя, а из-за меня.

– Вот как? – Октябрь нахмурился.

– У меня начались мои дела.

Октябрь некоторое время молчал, потом заговорил:

– Ну... что ж... природе не укажешь... но... э-э-э... есть ведь и другие способы... э-э-э...

Агата побледнела и вцепилась в руль. К счастью для Октября, им настало время съезжать с шоссе на просёлочную дорогу, ведущую в горы к одиноко расположенной ферме, где под присмотром верного движению человека находилось убежище номер девять – две комнатки в подвале со всем необходимым для того, чтобы просидеть там безвылазно целую неделю, и старый “ягуар” с полным баком, спрятанный в копне прошлогоднего сена. Убежище было оборудовано настолько хорошо, что хоть целая рота жандармов могла бродить по ферме, не подозревая, что кто-то в этот момент прячется в подвале. Машину, конечно, найти проблемы бы не составило, но это ведь не самый страшный криминал. В случае чего, номинальный хозяин фермы признал бы её своей. Кто в Маньяне хоть раз в жизни не покупал краденую тачку?

Пиньера съехал на обочину и остановился. Проселочная дорога поднималась в горы широким серпантинном. Ехать по ней с выключенными фарами – самоубийство. Ехать с зажженными фарами – тоже самоубийство, потому что если в “феррари” бандиты, то они его немедленно вычислят. Нужно блокировать выезд на шоссе, вызвать подкрепление. Пришлют вертолет, пригонят национальную гвардию.

Ну, да, это хорошо, если там, в “феррари”, действительно те, кого ищут. А если нет? Если просто парочка каких-нибудь богатеев по дороге из Маньяна-сити в Акапулько завернула в горы потрахаться без суеты?..

Можно себе представить, что сделают с детективом первой категории Рикардо Пиньерой после того, как широкомасштабная военная операция завершится пленением парочки голубков. ещё яснее можно себе представить, что с ним сделают, если он попытается сам вмешаться в их любовный процесс. То есть, вот он на второй секунде оргазма выскакивает

из тьмы ночной, как страшный ацтекский бог смерти Миктлантекутли, и, наставив на них пушку, кричит им, чтобы сдавались. Пиньера, слава Богу, на этой трассе служил без малого десять лет. Если учесть, что урла в стовосьмидесятитысячных тачках не ездит...

И что же они такого сделают?..

Денег дадут, вот что. Чтобы бог смерти не мешал им предаваться сладостям греховного процесса. А начнут права качать, грозиться личным знакомством с министром внутренних дел, президентом США и папой Римским – у Пиньеры на этот случай должна быть отмазка, что не по собственной инициативе он встрял в чужой ассесо, а по приказу начальства. Вдруг и впрямь знакомы?..

Пиньера взял микрофон и сказал:

– Центральный! это Пиньера. Что-нибудь новое есть про эту парочку в “феррари”?

– Откуда? Это у тебя должно быть про них что-нибудь новое для нас, – резонно ответили ему.

– Они свернули с шоссе и едут в горы по той дороге, где этот чёртов локатор.

– А, значит, там точно они?..

– Я этого не сказал. Я не видел, кто в машине.

– Так езжай и посмотри.

Ага. Езжай. Если они вооружены до зубов, а он – один, в полицейской машине, посреди пустынной дороги...

Пиньера достал из кобуры пистолет, дослал патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель, сунул за пояс брюк. Тоже, нашли Рембо. И дёрнул чёрт его за язык. Сидел бы в Куэрनावаке, глотал свой кофе – мало ли кого на ночь глядя гонит в дикие горы дурная голова и спермотоксикоз.

“Феррари”, до которого от Пиньеры теперь по прямой было около километра, неожиданно остановился наверху, не выключая огней. Пиньера облегчённо вздохнул. Значит, все-таки, потрахаться. Значит, просто парочка влюбленных богатых охломонов.

Он сказал в микрофон:

– Ладно, я могу их догнать и посмотреть, кто там. Но вдруг там не бандиты, а мирные граждане? Влюблённые, например?..

– Неважно что влюблённые. Всё равно останови и проверь документы. Их розыск под личным контролем министра безопасности. Только будь максимально осторожен: они могут быть опасны.

– Bien, я еду за ними! – удовлетворенно сказал Пиньера.

Он получил карт-бланш: если что, то все переговоры на полицейской волне записывались на магнитофон.

Агата выключила фары, чтобы в их отблесках не видеть напряженной физиономии своего компаньера, и сказала звенящим голосом:

– Я тебе, Октябрито, в восьмой раз говорю: нет, я этого делать не буду! И не надо мне объяснять, что это якобы нужно для Революции!..

– Но, пахарита, все женщины в Маньяне делают это своим мужчинам, когда у них начинаются дела.

– Я тебе не все женщины! Не нужно было ехать со мной. Нужно было тебе остаться в Маньяна-сити и пойти на Канделарию. Там ты бы получил своё!

Вот дура! Ну как ей объяснить, что тогда ему не хотелось, а захотелось только в Куэрनावаке? А Куэрनावаке – городишка маленький, благопристойный, там никакой Канделарии нет и в помине. Ничего нет, кроме церкви на двести мест и вшивого кинотеатра. А почему, собственно, он должен ей что-то объяснять? Почему она вообще хамит ему? Как она смеет?

Пользуется, гадина, своим положением. Вернее, его положением. Дьявол, почему мужчина так незащищен перед женщиной всегда, когда у него стоит?..

Если, конечно, он не собирается её насиловать. Но об этом и речи быть не может. Насилуют женщин только слабые мужчины. Октябрь попытался засунуть свой не вовремя устремившийся к звёздам нефритовый стержень обратно в штаны, но у него этого не получилось. Хоть беги в кусты, как в ливийских лагерях...

Вот сука! Сука и истеричка! Ей не жить, решил Октябрь. Всё. Своим поведением она подписала себе смертный приговор. Да и как любовница, она уже малоинтересна. Нордическая, как будто не маньянка вовсе. К чёрту! Только добраться до убежища, там я её кончу. Незачем собирать собрание, чтобы установить её вину. Сегодняшняя стрельба в Маньянасити – это предательство. Да, предательство! Тем более, что и убит-то не гринго, а какой-то русо туристо. Посторонний человек. Хотя, как гласит первая заповедь терроризма, – “невинных гражданских лиц не бывает”. В чём-то был виновен и этот. Но речь не об его вине или отсутствии таковой. Речь об этой стерве. Очень много дал он ей свободы, вот что. Она решила, что она – пуп земли. Революционерка нумеро уно. Шарлотта Корде. Пассионария. Че с гигиеническим пакетом между ляжек. Перечить – кому?..

Октябрю Гальвесу Морене?..

Главы государств – и каких! – не осмеливались перечить Октябрю Гальвесу Морене! Европарламент ползал на карачках перед Октябрём Гальвесом Морене! Министры стран ОПЕК стояли на задних лапках и виляли хвостиками, держа в зубах портфели со своими вонючими нефтедолларами!..

И что же теперь? Что теперь?! Какая-то сопливая двадцатидвухлетняя шлюшонка, дочь богатея-папаши, задирает перед ним нос, указывает, куда ему нужно ехать, ему, Октябрю Великому и Ужасному!..

О, основоположники! Мир перевернулся! Или я постарел. Ну, что ж – постарел я, не постарел, а со всей революционной строгостью с этой дрянью сегодня же поступлю. И буду искать себе новую телохранительницу. Без бабы не обойтись. Мужик в этом качестве хуже. Баба стреляет сразу, а мужик сначала ищет пути к отступлению. Сегодня придушу эту сучку, а завтра возьму с собой Магдалину. Конечно, это временный вариант, поскольку Магдалина – лесбиянка, так её растак. А это грустно, когда рядом – баба, а попользоваться в любой момент нельзя. Это обескураживает.

– Поехали, – приказал он.

– Кто-то едет к нам сюда, Октябрь!..

Освещая перед собой дорогу несильным ближним светом, к ним медленно приближался автомобиль.

– Мы должны изобразить, что завернули сюда для любовных утех! – шёпотом сказал Октябрь. – Ну-ка, быстро!..

– Что быстро?..

– Бери мою штуку в рот! Теперь это действительно нужно для Революции!..

Агата оглянулась на приближавшийся автомобиль, вздохнула, криво усмехнулась и нагнулась к матово поблескивавшей в свете звёзд октябритовой морковине.

– О-о-о!!! – взвыл Октябрь ненатуральным голосом. – О-о-о!!! Вс-с-с!!! О, как хорошо!.. Языком его, языком, *querida mia*!.. Вот так! О-о-о!!! Сейчас кончу, сейчас!..

Агата вдруг подняла голову, плюнула своему компаньеро на его пылающий конец и сказала:

– Да пропади всё пропадом!

– Ты что!.. – зашептал Октябрь, делая ей страшные глаза. – За нами же наблюдают!.. Соси, дура!..

– Сам соси, дурак! – сказала Агата и включила заднюю передачу, чтобы осветить тылы.

Дальше всё произошло в две секунды.

В свете фар она увидела, что к её “феррари” вплотную притёрся полицейский “форд”. Рядом с дверцей со стороны водителя стоял жилистый лысый мужчина в штатском и плотно усмехался в подстриженные щёткой усы. Прежде, чем Агата успела подумать о чём либо, в её руке оказался её двадцать второй калибр. Заднее стекло “феррари” разлетелось вдребезги. Первая пуля только чуть царапнула детектива. Он тоже оказался парень не промах. В руке его вспыхнуло и загрохотало. Вот тут-то и заявили о себе преимущества автоматического пистолета перед дамским игрушечным револьвером, о чём ей неоднократно говорили как инструктора в лагерях, так и боевые соратники: полицейский успел выпустить пять пуль, прежде чем вторая пуля, вылетевшая из “Agent'a” Агаты, поразила его в сердце, и он рухнул на щебень. Из его пяти выстрелов два оказались удачными: одна из пуль оторвала Агате мочку уха, другая вошла Октябрю в продолговатый мозг, да там и осталась. Если бы калибр у полицейского был поменьше, Октябрь бы выжил, но лежал бы до конца дней своих неподвижным трупом, не в силах ни кашлянуть, ни икнуть, ни пёрнуть, при этом всё соображая, что действительно страшно. Однако ему повезло: сорок пятый калибр попросту сломал ему шейные позвонки, и он умер одновременно с Рикардо Пиньерой, своим убийцей. Перед тем, как умереть, Октябрь успел открыть дверцу “феррари”, и верхняя часть его тела вывалилась наружу. Нижняя осталась в машине. Не успевший опасть ракетоноситель, налитый дурной кровью, торчал в звёздное маньянское небо, как обелиск несбывшимся надеждам. Ему теперь предстояло вечно так торчать.

Вот ведь как бывает: всю жизнь был революционером, а умер эрекционером, да ещё каким.

Агата вылезла из машины, ещё не понимая до конца, что произошло, но чувствуя, что случилось нечто ужасное, и опять она во всем виновата. Она обошла раздолбанный “феррари”, увидела Октября в расстегнутых штанах, и её стошнило прямо на дорогу, аккуратно, как воспитанную домашнюю кошечку, сдуру сожравшую прошлогоднюю муху. Затем она подошла к “форду”, потрогала ногой труп полицейского, и её снова стошнило.

Она отошла от трупов на десять метров, села на обочину лицом к шоссе, опустив ноги в заросли мэдронь, и задумалась, как ей быть дальше. Ухо кровоточило, но боли не было.

Глава 10. Отдыхай, Эдик

Нация, придающая чрезмерное внимание поглощению клетчатки, никогда не возвысится над окружающими. Чем последние и пользуются, заразы.

Розовые тортильяс – лепешки из кукурузной муки, посыпанные ламанчским сыром, обмазанные ароматным чоризо из телятины с чесноком и перцем-моритас – возвышались горкой посреди белоснежной скатерти. Стемнело. Лёгкий ветерок с вершин гор принес в город долгожданную прохладу.

Петров водку не любил, но этого никак не мог взять в толк его сегодняшний сотрапезник, почитывающий на досуге русскую литературу. Вот и на сей раз он настоял на том, чтобы обед начать со стограммульки. К водке им подали фаршированный перец, крабов, яйца игуаны в кокосовом масле и зелень. Петров посмотрел на всё это и поморщился. Американец жизнерадостно втянул ноздрями воздух, сочившийся вкусным, и поднял рюмку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.